Дмитрий Юрьев

КРИЗИС ЗАПАДА – ВОСХОД РОССИИ

Москва
Издательство «Европа»
2009

УДК 341/23+93/94
ББК 66.2 (0)
Ю 29

Директор *Вячеслав Глазычев*
Главный редактор *Глеб Павловский*

Дмитрий Юрьев
Ю 29 Кризис Запада – восход России.– М.:
Издательство «Европа», 2009. – 108 с.

Небольшая, со страстью написанная работа убедительно выражает позицию нового поколения, категорически не согласного с капитулянтством любого розлива – от идеологического и экономического до гламурного предательства культуры. Перефразируя известное выражение, автор показывает, как тот, кто владеет настоящим, меняет прошлое, обращает внимание читателя на ложность устоявшихся мифов, будь то «поражение в холодной войне» или специфическая форма интерпретации реального продолжения обязанностей СССР, принятого на себя Россией, в формулу правопреемства. Давая свою интерпретацию вызовов, стоящих перед отечеством, автор акцентирует внимание на культурных матрицах глобализма и современного ислама, на опасности «цивилизации юзеров», и вместо обычного противопоставления ценностей привносит собственное конструктивное понимание того, что ценностный ряд Запада и России един, тогда как приоритеты внутри этого ряда расставлены совершенно по-разному.

A short but passionately written work convincingly expresses the position of the new generation, which categorically denies capitulatory of any sort be it ideological and economical or the glamorous betrayal of culture. Paraphrasing the well-known saying, the author demonstrates that the one in possession of the present changes the past. The book draws reader's attention to the falsity of the established myths, such as: "Cold War defeat" or the specific way of interpreting the factual obligations of the USSR – assumed by Russia – into a form of legal succession. Giving his own interpretation of challenges faced by Russia, the author focuses his attention on the cultural matrices if globalization and contemporary Islam, stresses the threat of the "civilization of user" and – instead of the customary juxtaposition of values – adds his own constructive understanding of the fact that the values array of the West and Russia is the same while the priorities within that array are distributed in absolutely different ways.

УДК 341/23+93/94
ББК 66.2 (0)

ISBN 978-5-9739-0172-1
© Издательство «Европа», 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I
ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ 9

Глава II
БИТВА ЗА ПРОШЛОЕ 22

Глава III
ЗАКАТ ЗАПАДА 52

Глава IV
ВОСХОД РОССИИ 78

Дух мудрит, а деньга велит – таков порядок во всех клонящихся к закату культурах, с тех пор как большой город сделался господином над всем прочим... Капиталистическая экономика опротивела всем до отвращения. Возникает надежда на спасение, которое придет откуда-то со стороны...

Освальд Шпенглер.
«**Закат Европы**»

Весна новой России, Христовой Руси, начинает заявлять о себе первой зеленью и цветами. Россия вступает в свою миссию. Россия, без которой нельзя существовать ни Востоку, ни Западу, постепенно выходит на свет.

Св. Николай Сербский (Велимирович).
«**О Европе**»

ВВЕДЕНИЕ

20 апреля 1918 года в свет вышла книга немецкого мыслителя Освальда Шпенглера, которая называлась в оригинале «Der Untergang des Abendlandes». Чтобы избежать тавтологии, русские переводчики использовали перевод «Закат Европы». Между тем сам автор был резко против такого «географического» подхода. Его Abendlandes – «страна заката», «западный мир» – должна была пониматься именно как «Запад» во всемирно-историческом смысле. «Запад» как грандиозная культура, сроки жизни которой Шпенглер исчислил – как бы ни замирала его «фаустовская», западная душа в предвкушении провозглашенного им скорого заката. Скорого по историческим меркам – «имперское окостенение», разложение и распад западной цивилизации великий визионер отнес к первым двум векам третьего тысячелетия.

Книга, вошедшая в русский и мировой обиход как «Закат Европы», была слишком сложна и огромна для массового прочтения и понимания. Между тем заглавие было достаточно «вкусным» для повсеместного распространения и вхождения во всеобщий политологический оби-

ход. Что там за закат, какая такая гибель ждет «Европу», что должно прийти ей на смену? Бог весть...

Между тем шпенглеровские пророчества были столь же подробны, как и темны и трудны для понимания. Прозревая закатные перспективы родного, любимого, понятного и величественного западного мира, немецкий патриот и прусский националист Шпенглер достаточно внятно предрекал новому тысячелетию перспективу русскую. Вполне объясним поэтому раздраженный казарменный окрик, с которым обратился к памяти «пруса-ка-социалиста» Шпенглера польско-англосаксонский геополитик Збигнев Бжезинский. «То, что есть истинного у... Шпенглера, – воскликнул он в 1976 году, спустя сорок лет после смерти автора «Заката Европы», – давно уже препарировано наукой и включено в наш культурный кругозор. Остальное, и особенно сценарий будущего, состоит из сплошного фантазерства, и я решительно против того, чтобы мы позволяли всякого рода фантазерству брать нас на буксир и вести по пути, которым мы не желаем идти и наверняка не должны идти».

Но как бы ни заклинал мрачного пророка негодующий русофоб, начало нового тысячелетия стало для России – как и для Запада – временем решительного выяснения отношений с окружающей действительностью.

Потому что великая и такая близкая нам цивилизация Запада больна. Потому что налицо все признаки ее старческого окостенения. Утраты ею связи с реальностью. Экономика Запада превращается в виртуальное шоу, в котором психологические срывы игроков и состояние информационного поля намного важнее, чем развитие «реального сектора» – и в результате мировое хозяйство все в большей степени становится похоже на набор фишек для глобальной игры в «монополию», гран-

диозные состояния закачиваются в перегретую и совершенно условную цену акций, а устойчивость развития становится заложницей хаотического произвола эмоций и настроений миллионов юзеров, принципиально лишенных возможности осознать экономические и хозяйственные последствия предпринимаемых ими действий. Похожие вещи происходят и в политико-идеологической сфере. Трагедия в том, что подмена рефлексии рефлексом ведет к нарастанию неразрешимых противоречий, взрывающих изнутри западный мир – а значит, и западоцентричную, однополярную на сегодняшний день мировую систему.

Поэтому История ставит Россию перед вызовом, с ответом на который уже нельзя задерживаться. Россия вызов приняла. Отсчет пошел. Отсчет – для России – в любом случае обратный. Многим хотелось бы, чтобы это был финальный отсчет. Скорее всего, этот отсчет – предстартовый.

Потому что, когда «фазовый переход» закончится, мир вступит в новую эпоху. В этой эпохе «русский вопрос» будет решен предельно жестко и однозначно. Либо память об имени России будет выжжена. Либо начнется новая, исполненная русским смыслом жизнь человечества.

Глава I
ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

В учебники истории – российской и мировой – **8 августа 2008 года** войдет прежде всего как День Независимости России, день окончательного обретения государством по имени Российская Федерация статуса державы, с которой теперь – именно в ее независимом качестве – придется иметь дело всему миру. Потому что сегодняшние страсти вокруг последствий признания Россией независимости бывших непризнанных государств – Южной Осетии и Абхазии – отступают на второй план перед огромным значением того факта, что впервые всерьез поставлен вопрос о статусе самой большой в мире непризнанной государственности – российской.

Без лицемерия

XX век – век манипуляций, лицемерия и управляемого фанатизма. Характеристика Черчилля – «собачья драка под ковром» – применима не только к

внутренней политике СССР и других тоталитарных государств середины века, но и к мировой глобально-демократической практике рубежа нового столетия. «Черного и белого не называть», «*да* и *нет* не говорить» стало незыблемой нормой геополитического этикета.

События **8 августа 2008 года** вокруг Южной Осетии дали первый толчок миру без лицемерия, миру, в который возвращается возможность называть вещи своими именами.

Вся грузино-осетино-абхазская проблематика – это прежде всего история лицемерия и непризнания реальности.

Лицемерием и ложью был Советский Союз – якобы равноправная федерация национальных республик при неформальном первенстве государствообразующей РСФСР. Коммунистический новояз узурпировал историю России и присвоил ее результаты псевдогосударственному образованию, в рамках которого России не существовало. Потому что РСФСР, в отличие от Грузии, Украины, Туркмении, Молдавии и Карело-Финской ССР, не существовало в политической природе. Упраздненная «великой октябрьской социалистической революцией» *Россия – тюрьма народов* оставалась под запретом в самые «великие отечественные» сталинские годы. Коммунистический ре-

«Черного и белого не называть», «да и нет не говорить» стало незыблемой нормой геополитического этикета

жим практически до своего последнего дня играл с русским национальным самосознанием в шулерские игры, отводя русским как народу – и РСФСР как государственному образованию – роль межнационального клейстера, лишенного этнической субъектности. Не случайно в повседневной практике допускалось взаимозамещение слов «русский» и «советский», «СССР» и «Россия». При этом «Великая Русь», которая «сплотила навеки» «союз нерушимый республик свободных», в своем статусе «федеративной республики», лишенной автономного центра управления (в рамках советской системы таким центром мог быть только отдельный – российский – ЦК республиканской партийной организации), превратилась в совместный протекторат-колонию и резервуар материально-экономических ресурсов для всех остальных «союзных республик».

Распад СССР не изменил ситуации: *независимость России в постсоветском мире признана не была.* День **12 июня 1990 года** стал днем первой попытки провозглашения права России на государственный суверенитет. Но ни о какой независимости речи не было – до самого последнего времени. Потому что постсоветская реальность осталась столь же закамуфлированной, как и советская, а приобретение независимости «бывшими советскими республиками» – в отличие от «независимости России» – стало процессом реальным, но *односторонним.* Россию фактически «понудили к миру» на следующих условиях: все советские реальности должны быть сохранены в нерушимости (и прежде всего – ленинско-сталинские вымышленные административные границы), все обязанности России как ресурсного резер-

вуара в отношении «новых независимых государств» должны беспрекословно выполняться, при этом все права и претензии России – вместе с упраздненным СССР – аннулируются и явочным порядком переводятся в разряд *непризнанных*.

Следует напомнить, что лицемерная практика последних лет существования СССР подменила недвусмысленное понятие «независимость» эвфемизмом «суверенитет». До **августа 1991 года** большинство «союзных республик» – с подачи «республик Советской Прибалтики» – имели обыкновение провозглашать «государственный суверенитет», якобы подразумевающий сохранение единства всесоюзного «общего дома». Августовский путч – самоубийство недееспособного «союзного центра» – положил конец лицемерию парада суверенитетов. «Декларации независимости» последовательно приняли все «бывшие союзные республики» – от прибалтийских лимитрофов с их призрачным, но памятным опытом межвоенной государственности, до таких искусственных порождений сталинской национальной политики, как «Украина». Независимость провозгласили и некоторые будущие «непризнанные государства» из числа бывших «автономий». Единственное территориально-государственное образование на постсоветском пространстве, для которого слово «независимость» осталось табуированным, – это Российская Федерация.

Сохранение выморочного статус-кво непризнанной российской независимости было выгодно многим – и многими обеспечивалось. Наследники несостоятельной союзной номенклатурно-коммунистической элиты в лице КПРФ и «имперских па-

триотов» препятствовали утверждению российской государственной символики. Наследники региональной коммунистической номенклатуры – руководители «новых независимых государств», опираясь на международный консенсус, отказались признавать за многочисленными этносами, желающими продолжать свою национальную историю в едином организме с русским народом, да и за самим русским народом то самое развязавшее сепаратистам руки ленинское *право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.* Наследники второго и третьего эшелонов партийно-хозяйственной номенклатуры – компрадоры-«олигархи» – подводили экономическую, политическую и ценностную базу под международный правовой нигилизм «вашингтонского обкома». Да и идеологи нового, путинского, этапа становления российской государственности долго не решались говорить о чем-то большем, чем «суверенная демократия».

Мировому сообществу – впервые после 1917 года – приходится теперь иметь дело с независимым Российским государством

Действия режима Медведева – Путина, предпринятые **8 августа 2008 года**, стали, возможно, запоздалым, вынужденным, но окончательным провозглашением *российской национальной независимости.* Мировому сообществу – впервые после 1917 года – приходится теперь иметь дело с независимым Российским государством. А военные операции российских войск в окрестностях Цхинвала, Гори,

Сенаки и Тбилиси, избавившись от лицемерной маскировки «миротворческой операции», предстали в своем истинном качестве – *войны за независимость России.*

По законам военного времени

На протяжении всей второй половины века США и Запад утверждали, что их борьба ведется не против России, а с агрессивной коммунистической идеологией. Поэтому на «великую джазовую демократию» с надеждой и любовью смотрели стилягиШестидесятники. Поэтому «джинсовая экономика» казалась поколению фарцовщиков-семидесятников воплощением свободы. Поэтому – и только поэтому – в Америке находили себе пристанище такие русские патриоты, как Солженицын, такие моральные лидеры нации, как отец Александр Шмеман, и такие великие творцы, как Бродский. Геополитическая русофобия никогда – во всяком случае на официальном уровне – не поднималась американцами на щит в качестве официальной внешнеполитической идеологии. Тезис Рональда Рейгана про «империю зла» приветствовался в СССР многими – только потому, что к этому моменту для многих образованных граждан СССР «советская

...США и Запад утверждали, что их борьба ведется не против России, а с агрессивной коммунистической идеологией

власть» и была воплощением зла, а для русских людей – еще и врагом России. А Рейган – и другие идеологи Запада – выступали будто бы *против коммунизма и за Россию.*

По такой схеме строилась вся публичная антисоветская риторика официального Запада. По такой схеме – широким охватом – формировались программы пропагандистского вещания «вражьих голосов», которые завлекали советских радиослушателей возможностью услышать лучших русских писателей, художников, музыкантов, мыслителей и священников, изгнанных коммунистами из России «правды ради». По такой схеме значительная часть социально активного «перестроечного» большинства вопреки (а то и благодаря) многолетним антиамериканским и «антиимпериалистическим» стереотипам советских времен стала воспринимать США и Запад в качестве добросовестных союзников советского народа в его борьбе против советской власти.

На рубеже 1990–1991 годов номенклатурно-коммунистический режим в СССР дискредитировал сам себя в глазах людей, нелепо и неумело противопоставил свои корпоративные интересы политическим устремлениям и идеологическим настроениям общества. Любые предупреждения об антироссийском характере западной политики – тем более такие одиозные, как знаменитый доклад Крючкова об «агентах влияния», – не воспринимались всерьез и отметались, как и вся прочая лживая советская пропаганда обкомовских лекторов (про писателя Солженицера и академика Цукермана). Собственно, коммунисты – этот глав-

ный антироссийский западный проект XX века – и обеспечили Западу эффективное прикрытие, дали ему возможность подойти максимально близко к цели, до недавнего времени глубоко засекреченной, – к цели геополитического упразднения России как самостоятельной культурно-цивилизационной формы.

Первые полтора постсоветских десятилетия «односторонней независимости» были потрачены на то, чтобы привязать российского Гулливера (газ, нефть, электроэнергия, рынок труда, гигантский бизнес-инкубатор) сотнями канатов невзаимных обязательств к односторонне независимым (т. е. паразитическим) лилипутским королевствам. Начиная с 2004 года прямые наследники коммунистов-интернационалистов – демократизаторы-глобализаторы пошли на прямое обострение. От России требовалось теперь не только отказаться от права контролировать использование российских экономических и человеческих ресурсов восточноевропейскими государствами-паразитами, но и согласиться на политическую роль подмандатной территории для украинских, грузинских и прибалтийских гаулейтеров.

8 августа 2008 года силы «глобального демократического интернационала» начали прямую военную интервенцию – не Грузии против Южной Осетии и Абхазии, а американоцентричного Запада против России. Россия ответила действиями, которые стали *не чем иным, как оборонительной войной за независимость страны.*

Эта война не стала глобальной. Компромиссы, поиски путей наименьшего ущерба и способов ми-

нимизировать потери остались возможными. Невозможным стало другое – любые попытки остаться в поле лицемерия и умолчаний, любые способы спустить ситуацию на тормозах и изобразить дело так, как если бы оно было «понарошку».

И эта новая реальность жестко ставит перед властью и обществом независимой России несколько очень жестких вопросов, на которые необходимо отвечать честно, прозрачно, без умолчаний и иносказаний.

...в самое ближайшее время Россия должна принять и провозгласить принципиально новую военную доктрину

Речь идет о радикальном обновлении государственных стратегий – политической, экономической, личной (для каждого из значимых участников процесса) и военной. Последнее означает, что в самое ближайшее время Россия должна принять и провозгласить принципиально новую военную доктрину, способную информировать мировое сообщество о механизмах обеспечения суверенитета такого государства, каким становится независимая Российская Федерация. Эта доктрина сможет наконец осмысленно и ответственно определить, на какие меры мы будем готовы пойти ради защиты нашей независимости, с тем чтобы понимание возможности и масштабности этих мер стало общим для нас и для наших геополитических оппонентов.

Первые недели войны за независимость России позволили достаточно четко сформулировать и от-

вет на пресловутый вопрос (его любили задавать некоторые наши «патриоты», подвергая сомнению государственный праздник **12 июня**): от кого же это мы – Россия – провозглашаем себя независимыми? Не случайно главной неожиданностью первых дней после **8 августа** стало своеобразное (некоторые эксперты, впрочем, договариваются до слова «предательское») поведение слывших самыми «пророссийскими» режимов в СНГ. Они поняли: теперь положен конец прекраснодушной лжи про «союзные государства», «экономические пространства» и прочие псевдонимы паразитирования экс-советских республик на российских ресурсах. Теперь Россия, публично и по факту (а не только на словах) отказываясь подчиняться единственному в мире центру силы, ставит несамостоятельные, вторичные государственные образования перед страшной для них необходимостью выбора. Альтернатива для постсоветских территорий простая – либо полноценная независимость (не только их от России, но и России от них) с принятием на себя всего комплекса непростых обязательств независимого существования в многополярном мире (включая необходимость честного, с ведома собственных народов, выбора модели развития и геополитической конфигурации), либо вхождение в состав Российской Федерации.

...новое национальное единство в рамках независимого Российского государства объединило всех ответственных граждан страны

Разумеется, День Независимости **8 августа** фундаментально переформатировал и внутриполитический ландшафт страны.

Первой неожиданностью для разорванного политического пространства страны стала реальная консолидация национальных сил. Точнее – то самое национальное единство, которое не подразумевает тоталитарного единомыслия, но существует всегда, когда есть в наличии единая нация. Потому что именно новое национальное единство в рамках независимого Российского государства объединило всех ответственных граждан страны удивительно широким охватом. Многие традиционные критики и даже ненавистники «режима» вдруг позиционировали себя – кто осторожно, кто двусмысленно – как сочувствующие России, ее позиции и ее интересам (что не мешает им даже сейчас и уж точно не помешает в будущем клеймить режим на привычном либеральном новоязе). А вот «другая сторона», с одной стороны, определилась: в первые же часы после начала войны за независимость России понятие «коллаборационизм» из разряда ругательств перешло в разряд констатаций, причем имеющих политические и юридические последствия, а с другой стороны, оказалась абсолютно маргинальной, нерепрезентативной и экзотической.

Но у этой «медали» сразу же выявилась и другая – тоже неожиданная – сторона. Яркая разделительная линия первых дней *войны за независимость* стала быстро размываться, а на место одиозного и бесперспективного политико-пропагандистского коллаборационизма вышел «экономический коллаборационизм». Грубые угрозы интервентов, поначалу

сплотившие российское общество, сменились другим «главным буржуйским оружием» – бочкой варенья и корзиной печенья. И вот уже некоторые либеральные «прогрессоры» принялись всерьез замерять рисками фондового рынка цену российской независимости.

Самоубийственному размыванию границ допустимого содействуют и пагубные спецтрадиции современной российской политики. В мире спецмероприятий между вербующими, вербуемыми и поднадзорными границы стерты. Чтобы окончательно выпасть из действующей «тусовки» (она же «элита») и лишиться возможности политического и финансового с ней взаимодействия, нужно было пойти на совсем уж запредельные враждебные действия. Не случайно до самого недавнего времени некоторые конспирологи продолжали рассуждать о том, что ссора Путина с Березовским – это их совместный хитрый пиар-ход. Казалось совершенно нормальным: одной рукой «райтерствовать» в пиаровских проектах Кремля, а другой – строчить доносы в вашингтонский обком и даже публично их озвучивать, обозначая свои карьерные притязания на штатные должности будущих полицаев чаемого глобально-демократического оккупационного режима.

Эти традиции пока что сохраняются, несмотря на то что «точка невозврата» **8 августа**, казалось бы, пройдена. И сегодня коллаборационисты-блогеры, ежечасно и открыто позиционирующие себя в качестве кадрового резерва грядущего полицай-президиума, преспокойно сохраняются и в «кадровом резерве» идеологических проектов околокремлевской субэлиты, предлагая на рассмотрение помощ-

ников будущих (как они утверждают) гаагских подсудимых свои варианты смет денежного довольствия.

Но, так или иначе, День Независимости России **8 августа 2008 года** вошел в историю. История российской независимости началась. И наверное, уже не так важно, что многочисленные «игроки», привыкшие к прежним правилам игры, не могут и не хотят усвоить единственного правила Игры, которое вступило в действие 8 августа 2008 года, после того как, собственно, началась Игра, а игры закончились. Правило же это такое: «Взялся – ходи».

День Независимости России 8 августа 2008 года вошел в историю. История российской независимости началась

Им придется – вместе со всей страной – усваивать это правило. И – вместе со всей страной – идти, преодолевая закатное сопротивление Запада, по направлению к Восходу России. Идти, выигрывая самую важную битву сегодняшнего дня.

Глава II

БИТВА ЗА ПРОШЛОЕ

Пространственное мышление Запада породило понятие «геополитика». Сутью противостояния последних лет стала «хронополитика». В свое время историк Игорь Можейко (он же писатель Кир Булычев) встретил надвигающееся 50-летие Великого Октября историко-фантастической пьесой (она была опубликована еще в СССР после 1989 года, а в 1992 году даже показана по телевидению). В этой пьесе торжественная инсценировка октябрьских событий в Ленинграде 1967 года выходила из-под контроля обкома, группа местных интеллигентов (работников Эрмитажа) неожиданно успешно защищала Зимний дворец от комсомольцев, переодетых в матросские бушлаты, а актер Ленконцерта, переодетый Керенским, приказывал советским летчикам бомбить Кремль (летчики приказу вдруг подчинялись). Как хороший историк, автор почувствовал чутьем фантаста (тоже хорошего), до какой степени неустойчивыми к малым возмущениям будущего оказываются итоги

прошлого. Стоит произойти переоценке ценностей, стоит измениться карте сегодняшнего дня, как вслед за ней рушатся концепции и версии, еще совсем недавно охватывавшие мощным каркасом «логики истории» такие понятные и устремленные к единой цели столетия. И вот уже следуют растерянные констатации: «мятеж не может кончиться удачей»... «назвал историка пророком, предсказывающим назад»...

Обратная сила

50-летие народной революции в Венгрии (она же – до 1980-х годов – антинародная контрреволюция) прошло в 2006 году по пророческому сценарию Можейко-Булычева (с точностью до замены красных на белых и наоборот). Все помчались в диком танце, и уже не разберешь, кем был, например, Имре Надь – вождем народной революции против советского тоталитаризма (общепринятая международная и венгерская версия 1989–2006 годов), лидером инспирированной Западом и НАТО контрреволюции (официальная советская и венгерская версия 1956–1989 годов), сексотом НКВД по кличке Володя – доносчиком, погубившим десятки коминтерновцев в Москве в 1937 году (документированная,

Сутью противостояния последних лет стала «хронополитика»

но не признанная «в реале» версия последнего шефа КГБ Крючкова), или, наконец, рядовым красным стрелком в интернациональной команде в подвале Ипатьевского дома в июле 1918 года (домыслы любителей переложить на инородцев ответственность за убийство русского царя).

А между тем венгерская революция – событие действительно судьбоносное, предопределившее не только судьбу Венгрии, но и судьбу геополитического противостояния второй половины XX века в целом. В течение нескольких бурных месяцев второй половины 1956 года небольшая восточноевропейская страна была «точкой ветвления» этой судьбы, и все возможности будущего сходились в ней одновременно.

Венгерские события 1956 года могли породить несколько вариантов будущего. Они их и породили. В «будущем Юрия Андропова» (совпосла в Будапеште в 1956 году, фактически оказавшегося координатором решений московского политбюро) эти события стали прививкой от слабости, от любых попыток выхода за рамки традиционного социализма, убедительным доказательством того, что идеологическая оттепель только начинается дружелюбно и интеллигентно, но обязательно перерастает в пожар (с массовыми убийствами коммунистов, с мощной активностью западных спецслужб, с немедлен-

...массовая истерия разрушительна и самоубийственна для любого революционного проекта

ной сменой внешнеполитической ориентации). В «будущем Андропова» эти события предопределили идеологический догматизм, зашоренную и трусливую интеллигентофобию, неспособность к умной самозащите власти, а в результате – самоубийственную нереформируемость режима и государственно-политической системы.

В «будущем Яноша Кадара» (вышедшего – после пыток и пожизненного приговора – из тюрьмы лидера внутрипартийной антисталинистской оппозиции, буквально в последний день успевшего дистанцироваться от переметнувшегося в антисоветский лагерь Надя) эти события стали первым этапом циничной, хитрой, прагматичной и при этом самодостаточной жизни «самого веселого барака в социалистическом лагере» – страны, в которой все основные требования 1956 года (кроме перехода под контроль НАТО) оказались тихой сапой реализованы под носом СССР. В «будущем Кадара» реализация требований революции 1956 года была обеспечена прочной властью однопартийного режима, а также политическим покровительством и неограниченной матпомощью СССР. В «будущем Кадара» демонтаж социализма в конце 1980-х оказался наиболее спокойным, самым мирным и неистерическим во всей Восточной Европе. В «будущем Кадара» октябрьские события 1956 года стали убедительным доказательством двух политических теорем: 1) массовая истерия разрушительна и самоубийственна для любого революционного проекта и 2) жесткое подавление истерии собственными силами – единственный способ этот проект реализовать.

Осенью 2006 года в Венгрии прорезалось еще одно будущее – «будущее Имре Надя». Мадьяр, сдавшийся в плен русским в 1917 году и ставший вскоре членом партии большевиков, агент НКВД с 1933 года, креатура Берии и Маленкова в венгерском руководстве с 1953 года, Надь – эта трагикомическая (гашековско-шекспировская) версия Ивана Мазепы – в полной мере реализовал свой потенциал только посмертно, в дни юбилея революции, разом опрокинув ее смысл и превратив из демократического народного восстания за свободу в манипулируемый истерический хулиганский погром. Но вот в чем главный парадокс «будущего Надя»: если бы через 50 лет после кровавых событий 1956 года, через 30 лет осторожного и «вегетарианского» кадаровского социализма, через 16 лет после самой бархатной из всех антикоммунистических «революций» все закончилось бы уличными беспорядками, насильственным свержением «экс-коммунистов» и эскалацией ненависти, это будущее получило бы обратную силу. И «венгерская революция 1956 года» опять превратилась бы в кровавую вакханалию, массовую социальную истерию, инспирированную из-за рубежа и поддержанную неадекватными массами...

Теорема Оруэлла – «кто владеет прошлым, тот владеет настоящим» – легко поддается инверсии: «кто владеет настоящим, тот меняет прошлое». И речь идет вовсе не о подтасовке фактов. Речь идет обо всей череде последствий, которые оказываются порождены событиями прошлого, и о том результате, который фиксируется единственным измерительным инструментом исторической науки – общественным мнением.

Чем было движение за национальное возрождение в республиках Прибалтики на пороге 1991 года? Многие демократически настроенные москвичи взахлеб рассказывали тогда о своих прибалтийских впечатлениях: надо же, никакого национализма! Одно стремление к свободе! Столь же демократически настроенные прибалтийские русские преспокойно голосовали за независимость Эстонии, Латвии и Литвы, обозначая тем самым версию совсем еще недавнего прошлого как демократической революции, направленной против коммунистической власти. Замшелые вопли коммунистических догматиков о «националистах», «агентах Запада» и «русофобах» разбивались о всеобщую уверенность в совсем другой реальности. Однако будущее изменилось – и тут же радикально изменилась реальность прошлого: нацистское по своему формату превращение в апатридов почти половины законных жителей Прибалтики, ураганный дрейф в сторону НАТО, мировое лидерство в антироссийской внешней политике и повседневный языковый апартеид перевернули все не только сейчас, но и в далеких 1989–1990-х. А позиция «радикальных коммунистических консерваторов», «людей вчерашнего дня», которую еще 15 лет назад было бы стыдно всерьез даже пересказывать, вдруг предстала единственной логически безупречной версией проис-

...«кто владеет настоящим, тот меняет прошлое»

шедшего, получающей ежедневные и все более убедительные доказательства.

Обратная сила истории была известна всегда. В конце 1930-х годов Черчилль в своем знаменитом письме к Муссолини уговаривал дуче не связываться с Гитлером и остаться в веках «великим деятелем Италии». И в этих словах был не только цинизм прожженного дипломатического лиса, но и мудрость исторического персонажа. Ничего особо циничного: остался же друг и единомышленник Муссолини фалангист Франко в истории Испании великим каудильо, основателем новой истории нации, да и дожил спокойно до 1975 года, потому что оказался соразмерным истории, а сумма проигрышей страны из-за его ошибок, преступлений и жестокостей не перевесила – по окончательным результатам – суммы ее выигрышей. Вот и дуче, не свяжись он – из жадности и авантюризма – с маньяками-убийцами, не попри на рожон против показавшихся ему слабыми «плутократий», вполне мыслим был бы в «свободной Европе» 1960-х. Но дуче не думал о далеких 1960-х – он думал о такой близкой Абиссинии. А до 1960-х – до них еще и дожить надо! Кстати, о Троцком: это из его фразочек, про «политику ближнего прицела».

История, в отличие от политики, всегда «дальнего прицела»

История, в отличие от политики, всегда «дальнего прицела». И если она что-то знает не просто

хорошо, а замечательно, отлично, так что от зубов отскакивает, так это сослагательное наклонение. История постоянно вибрирует и наносит мощнейшие, иногда катастрофические удары из сегодняшнего дня на сотни, тысячи лет назад, переводя прошлое по законам квантовой физики из неопределенного состояния в определенное. Великолепные возможности, фантастические перспективы обнуляются, грандиозный потенциал уходит в пустоту, великие народные движения превращаются в мелкую кровавую суету, а перманентная революция оказывается дешевым пиаром на крови.

Тем грандиознее становится сегодня битва за Россию – и за все столетия ее до сих пор не определившегося прошлого.

Кто правопреемник СССР?

На самом деле инициированная прибалтийскими «национал-демократами» и поддержанная другими «жертвами оккупации» – украинскими соотечественниками Хрущева и Брежнева и грузинскими компатриотами Сталина и Берии – международная кампания травли России как «полномочного правопреемника СССР», долженствующего выступать и преемником исторической вины правившего в СССР коммунистического режима, это огонь, бегущий по бикфордову шнуру в направлении бомбы, заложенной под существующий миропорядок, и прежде всего под правовую и цивилизационную базу существования всех постсоветских государств.

Миф о России как «единственном правопреемнике» СССР – это результат циничного геополитического шулерства, в которое удалось втянуть часть мирового сообщества, столь многим обязанного добровольному согласию России на то, чтобы взять на себя колоссальную работу по минимизации катастрофических последствий распада СССР. Согласию, которое стало прежде всего жестом доброй воли и ответом на ясно выраженную просьбу того самого мирового сообщества.

Удивительным образом вопрос о «правопреемстве СССР» оказался фальсифицирован как в массовом сознании, так и в оценках и комментариях специалистов. Существует устойчивое мнение, что «правопреемником» СССР Россия названа в тексте Беловежских соглашений. Это не так.

Формально-юридической базой прекращения существования СССР стали три документа:

- соглашение о создании Содружества Независимых Государств (собственно Беловежское соглашение), подписанное Россией, Украиной и Белоруссией **8 декабря 1991 года**, в котором три республики «как государства – учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года», *констатировали*, «что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»;
- протокол к этому соглашению и декларация, подписанные в Алма-Ате **21 декабря 1991 года**, в соответствии с которыми в состав СНГ вошли 11 «союзных республик», ставших независимыми государствами. Позднее к ним при-

соединилось двенадцатое государство – Грузия, а «прибалтийские республики» от участия в постсоветских интеграционных процессах отказались.

В перечисленных документах *нет ни слова о «правопреемстве России»*.

Официально позиция стран – участниц соглашения о создании СНГ по вопросу об особой роли России была впервые сформулирована в Алма-Ате, в день подписания декларации, в тексте «решения Совета глав государств СНГ», в следующих выражениях:

Миф о России как «единственном правопреемнике» СССР – это результат циничного геополитического шулерства

«Государства – участники Содружества, ссылаясь на статью 12 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, исходя из намерения каждого государства выполнять обязательства по Уставу ООН и участвовать в работе этой организации в качестве полноправных членов, учитывая, что первоначальными членами ООН являлись Республика Беларусь, СССР и Украина, выражая удовлетворение тем, что Республика Беларусь и Украина продолжают участвовать в ООН в качестве суверенных независимых государств, будучи преисполнены решимости содействовать укреплению международного мира и безопасности на основе Устава ООН в интересах своих народов и всего международного сообщества, решили:

1. Государства Содружества поддерживают Россию в том, чтобы она *продолжила* членство СССР в ООН, включая постоянное членство в Совете Безопасности, и других международных организациях.
2. Республика Беларусь, РСФСР, Украина окажут другим государствам Содружества поддержку в решении вопросов их полноправного членства в ООН и других международных организациях».

Таким образом, выдвигалась прозрачная идея «размена»: бывшие союзные республики признают Россию государством, продолжающим членство СССР в ООН, а взамен получают содействие в признании их в качестве полноправных субъектов международного права.

...в международную практику вошла формулировка о России как «государстве – продолжателе» (а не правопреемнике) СССР

Сразу же вслед за публикацией документов алма-атинского совещания факт прекращения существования СССР, впервые провозглашенный в Беловежском соглашении, вызвал волну официальных признаний со стороны всех основных мировых государств. Именно в этот момент в международную практику вошла *формулировка о России как «государстве – продолжателе» (а не правопреемнике) СССР* в рамках созданной в 1945 году системы мироустройства, в которой Советский Союз был одним из фундамен-

тальных участников (*постоянным членом СБ ООН*), простое устранение которого могло бы пошатнуть или разрушить всю конструкцию.

Эта формулировка была скорее идеологической, чем юридической новацией, выдвинутой с единственной целью – *минимизировать международные последствия распада сверхдержавы*, упростить процессы сохранения дееспособности основополагающих международных договоров, исключить возможность возникновения вооруженных конфликтов, в которых оспаривалась бы правомочность фактической ликвидации международно признанного геополитического явления под названием СССР. Выдвижение и фактическая легитимация этой формулировки (и это очевидно из содержания документов того времени) стали результатом не оформленного в явном виде консенсуса России, ООН и постсоветских республик, причем инициатором формулировки стали прежде всего государства – «западные» партнеры СССР (особо активную позицию поддержки идеи российского «продолжательства», по понятной причине, заняла «западная» Япония), остро заинтересованные в том, чтобы избежать «логики чистого листа» (на чем первоначально пытались настаивать некоторые недальновидные представители мировой дипломатии).

Реализация консенсуса выглядела следующим образом. **24 декабря 1991 года** было направлено официальное Послание Президента Российской Федерации Генеральному секретарю ООН, в котором, со ссылкой на упомянутое выше решение Совета глав государств СНГ, сообщалось о продолжении

членства СССР в ООН Российской Федерацией. Генеральный секретарь направил текст послания всем членам ООН и, ссылаясь на мнение юридического департамента Секретариата ООН, предложил считать, что это обращение носит уведомительный характер, констатируя реальность, и не требует формального одобрения со стороны ООН. О согласии с таким подходом сообщили все постоянные члены Совета Безопасности и другие ведущие страны. Таким образом, с **24 декабря 1991 года** Российская Федерация продолжила *членство СССР в ООН, включая членство в Совете Безопасности*.

13 января 1992 года появилось официальное письмо МИД России «О выполнении Российской Федерацией обязательств по заключенным СССР международным договорам» на имя глав дипломатических представительств, аккредитованных в Москве, в котором сообщалось:

«Российская Федерация продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров, заключенных Союзом Советских Социалистических Республик. Соответственно Правительство Российской Федерации будет выполнять вместо Правительства Союза ССР функции депозитария по соответствующим многосторонним договорам. В этой связи Министерство просит рассматривать Российскую Федерацию в качестве Стороны всех действующих международных договоров вместо Союза ССР».

Тем самым обозначилась и еще одна важная составляющая «продолжательства» – экономическая. Россия фактически «покупала» сохранение своих позиций в ООН и *собственность СССР за рубежом*

(здания посольств и т. д.) за признание и *взятие на себя обязательств по внешним долгам Союза.*

Последней крупной составляющей «продолжательства» стала совокупность международных соглашений, касающихся вопросов *ядерной безопасности* – вопросов, которые тревожили Запад в наибольшей степени. Эти вопросы затрагивали четыре постсоветских государства – Россию, Украину, Белоруссию и Казахстан, на территории которых было расположено ядерное оружие советских Вооруженных сил. И Запад, представленный США, сделал все возможное, чтобы как можно скорее перевести весь ядерный потенциал бывшего Союза «в одни руки» – в руки России – и не допустить при этом расширения «ядерного клуба».

Россия фактически «покупала» сохранение своих позиций в ООН за признание и взятие на себя обязательств по внешним долгам Союза

Бывший министр иностранных дел Украины Анатолий Зленко не без злорадства вспоминает о той истерике, в которую впал в последние часы работы над «лиссабонским протоколом» (**23 мая 1992 года**) тогдашний госсекретарь Джеймс Бейкер. Попытки «незалежной Украины» выторговать особые преференции и продавить признание ядерной «собственности Украины» чуть не привели, по словам Зленко, к выходу за пределы дипломатического этикета. «Украина все время создает трудности! Она идет против международного мнения! Она блокирует важные переговоры! Мы будем прини-

мать меры!» – так, по словам экс-министра, кричал глава внешнеполитического ведомства Америки, добиваясь соблюдения принципа сохранения всего ядерного потенциала в руках России. В конце концов, именно «лиссабонский протокол» (официально – протокол к Договору между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений от **31 июля 1991 года**), который был подписан США, Россией, Украиной, Казахстаном и Белоруссией **23 мая 1992 года**, употребляет термин «правопреемники СССР», и вот в каком контексте:

«Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация и Украина как государства – правопреемники бывшего Союза Советских Социалистических Республик в связи с Договором принимают на себя обязательства бывшего Союза Советских Социалистических Республик по Договору».

Можно, таким образом, констатировать, что за период с **21 декабря 1991 года** по **23 мая 1992 года** мировое сообщество согласилось с политической формулировкой о России как государстве – продолжателе СССР, четко определив формально-юридические рамки «продолжательства» четырьмя позициями (ядерный потенциал, членство в СБ ООН, собственность за рубежом, внешний долг СССР).

Кто победил СССР?

Такая формулировка была понятна, состоятельна и устраивала всех. В отличие от другой формулировки, которую также породило Беловежское со-

глашение, и которая вошла в решения Верховных Советов РСФСР, УССР и БССР о *«денонсации Союзного договора 1922 года»*, и которую не раз (и вполне доказательно) пытались впоследствии оспорить политические оппоненты авторов Беловежского соглашения. Действительно, к моменту подписания Беловежских соглашений этот договор *давно утратил силу*: его юридически корректно заменили совершенно иные акты – Конституции СССР 1936 и 1977 годов, которые сами по себе, без ссылки на договор 1922 года, создавали юридическую и политическую основу для существования Советского Союза.

...авторы Беловежских соглашений по существу принимали декларацию о расформировании СССР

Но никаких претензий на юридическую безупречность «денонсации» и не предъявлялось. Формулировка Беловежского соглашения («констатация факта» прекращения существования СССР) – равно как и формулировка решения ООН – была направлена прежде всего на то, чтобы «обойти» юридическую мину разрушительного характера, поскольку речь шла вовсе не о текущем законотворческом процессе, а о необходимости констатации *результатов революционного процесса*. «Денонсируя» несуществующий документ, авторы Беловежских соглашений по существу принимали революционную политическую декларацию – декларацию о расформировании СССР, которая увенчала процесс борьбы против «советской власти».

И здесь мы сталкиваемся со вторым фатальным мифом, укоренившимся в массовом сознании за время, прошедшее после 1991 года, – мифом о «*поражении СССР в холодной войне*», о том, что СССР был «побежден Западом». Этот миф умышленно внедрен на всех уровнях и грубо искажает конфигурацию исторического процесса, подменяя одних его участников другими.

Несомненно, Запад активно участвовал в политических процессах на территории СССР, оказывал поддержку антикоммунистическим силам. Однако внезапный распад Союза стал для Запада шоком. Этого они не ожидали, к этому – что бы потом ни провозглашали самые отпетые кремленологи и советологи – не готовились.

...внезапный распад Союза стал для Запада шоком. Этого они не ожидали, к этому не готовились

Советский Союз стал жертвой революционного процесса, главным источником энергии которого были внутренние силы, оформившиеся на исходе 1991 года, главным образом в формате руководства РСФСР и ряда других союзных республик. Речь шла о политической *борьбе против режима*, в которой *участниками и политическими союзниками* выступали вовсе не страны Запада, а политические силы антикоммунистической направленности, действовавшие во всех «субъектах федерации» – в так называемых союзных республиках СССР. Эти силы, во-первых, относились друг к другу как к союзникам,

во-вторых, действовали в режиме гражданского сопротивления, признавая формально-юридическую правомочность советской системы, в-третьих – начиная с июня 1990 года – признавали безусловное политическое лидерство «демократического» руководства РСФСР во главе с Борисом Ельциным.

Именно поэтому процессы восстановления государственной независимости прибалтийских республик были начаты Верховными Советами Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, сформированными *по результатам выборов, проведенных в рамках советской Конституции и законов союзных республик*. Именно поэтому после январских событий 1991 года Витаутас Ландсбергис и Анатолийс Горбуновс обращались за помощью, политической поддержкой и защитой прежде всего *к руководству РСФСР* во главе с Борисом Ельциным и общественному мнению Москвы, Ленинграда и России. Именно поэтому референдумы (а точнее, «опросы») о восстановлении независимости проводились в Латвии и Эстонии **3 марта 1991 года** *с участием всех граждан СССР*, проживающих на этих территориях, и проводились именно как референдумы против коммунистического режима, в борьбе с которым и предлагалось объединиться «людям доброй воли» всех национальностей. Именно поэтому первыми, к кому обратился после начала путча ГКЧП Ландсбергис, стали советские военнослужащие в Прибалтике – председатель Верховного Совета Литвы заклинал их не применять силу против законных властей Прибалтики, которые выступали и выступают исключительно против режима, а вовсе не против рус-

ских, военнослужащих и всех прочих, являющихся союзниками в общем деле преодоления коммунистического прошлого.

Ключевым и тоже революционным по своей юридической природе, поскольку формально он с очень большой натяжкой соответствовал действовавшей Конституции СССР, стал *Акт о государственной независимости Эстонии, Латвии и Литвы, принятый* ***9 сентября 1991 года*** *Госсоветом СССР* – высшим на тот момент органом власти все еще существующей страны, а по сути, инструментом реализации совместной политической воли всех участников антисоветской революции, сумевших после провала попытки контрреволюции со стороны ГКЧП прийти к власти в Советском Союзе. Только после этого – при поддержке «временного революционного руководства» СССР – было принято решение о принятии прибалтийских республик в ООН. Только этот Акт обеспечил беспрепятственность процесса международного признания и принятия прибалтийских республик в ООН и его бесконфликтный характер, став формально-юридическим основанием для обеспечения преемственности международно-правового статуса СССР применительно к Литве, Латвии и Эстонии (как для остальных «советских республик» таким основанием стало решение Совета глав государств СНГ от **21 декабря**).

Вся совокупность политических и правовых действий, завершившихся в декабре 1991 года Беловежскими соглашениями и формальным прекращением существования СССР, была *революцией* – то есть силовым процессом изменения существовавшей ранее политической реальности. И возможность успешно-

го (без большой крови, полностью управляемого) завершения этого процесса опиралась на совместное признание всеми его участниками – как победителями, так и побежденными – факта этой самой реальности (формула «констатации»).

А в основе этой реальности лежали и Октябрьская революция, и Союзный договор 1922 года, и провозглашение независимости прибалтийских республик в 1918 году, и их – формально законное – вступление в состав СССР в 1939 году, и участие СССР, включающего в свой состав все три прибалтийские республики, в послевоенном мироустройстве. Напомним, что рассуждения об «оккупации Прибалтики» оставались до 1991 года идеологическим шумом, не имевшим политических последствий: мир признавал и советскую границу, и право граждан Литвы, Латвии и Эстонии передвигаться по миру с советскими паспортами (в том числе в качестве официальных советских дипломатов, торгпредов, спортсменов и т. д.). Да и «борцы за свободу стран Балтии», первоначально обращавшиеся к партии и правительству СССР всего лишь с предложениями об «экономическом суверенитете», признавали советские законы и формировали свои революционные органы власти в полном соответствии с ними и в тесном союзе с политическими союзниками в России.

...рассуждения об «оккупации Прибалтики» оставались до 1991 года идеологическим шумом, не имевшим политических последствий

Альтернативой такому «революционному оппортунизму» могла быть только «революционная» (и «контрреволюционная») принципиальность. Она сполна проявилась в те же годы в Югославии, где защитники целостности СФРЮ, не желая поступаться принципами, ввели танки в Хорватию и Словению. Борцы против тоталитарного коммунизма в этих республиках тоже не могли поступиться принципами, в связи с чем – в тесном взаимодействии с «федералами» – ввергли самую благополучную и процветающую из соцстран в пучину кровавого хаоса и взаимоистребления.

...власть и общественное мнение в России осенью 1991-го поверили в добрую волю «цивилизованного мирового сообщества» и... сдались ему на милость

Государственная независимость Литвы, Латвии и Эстонии в 1991 году была бы невозможна без осознанного (хотя и не оформленного официально) союза между всеми участниками борьбы против коммунистического режима в СССР во главе с президентом РСФСР Ельциным, выражавшим позицию большинства населения России, выступавшего тогда против власти КПСС. Расформирование Союза и признание безоговорочного права Прибалтики на независимость стало результатом коллективного решения всех участников «антикоммунистического фронта», и в первую очередь – РСФСР, признавших, что только таким путем им удастся быстро и эффективно достичь поставленной цели: закрепить свою победу над союзной коммунистической номенклатурой.

Более того, если бы не позиция РСФСР, если бы не позиция Бориса Ельцина, только что (в июне 1991 года) избранного президентом республики, если бы не августовские события в Москве (исхода которых ждали с замиранием сердца и Ландсбергис, и Гамсахурдиа, поспешивший признать ГКЧП, и все прочие будущие лидеры независимых государств) – *никакого «освобождения Балтии» не случилось бы.*

Вопрос об оценке событий 1991 года может еще долгие десятилетия раскалывать политиков, экспертов и общественное мнение. Можно клеймить «могильщиков великой страны», можно рукоплескать «сокрушившим коммунистическую гидру». Однако есть факты, которые оспорить невозможно. Факты эти заключаются в том, что *судьба «стран Балтии» – равно как и судьба всех остальных «новых независимых государств» – решалась в России.* Исключительно *доброй воле России* все эти страны, да и мировое сообщество в целом обязаны тем, что колоссальное тектоническое потрясение, которым мог бы стать распад системообразующей, до зубов вооруженной ядерной державы, обошлось минимальными для масштаба события потерями. И произошло это исключительно потому, что власть и общественное мнение в России осенью 1991 года действовали заодно, были настроены против «союзного центра», в большинстве своем поддерживали идеологию «общечеловеческих ценностей» и в результате, не использовав сохранявшийся (и сохраненный до сих пор) силовой потенциал, поверили в добрую волю «цивилизованного мирового сообщества» и... сдались ему на милость. В одном западные мастера психологической войны в годы перестройки преуспели – раздражен-

ные тупой коммунистической пропагандой советские люди всерьез поверили в добрую волю Запада, в то, что идеалы демократии и добрососедства возобладают, стоит лишь убрать со сцены злонамеренный и антидемократический советский режим.

Но такую наивную логику «мировое сообщество» не могло не использовать в своих целях. Очень быстро выяснилось, что борьба велась не за демократию и не против тоталитаризма, а за ликвидацию геополитической альтернативы. И если Россия – какой бы демократической она ни становилась, какую бы роль в победе над коммунизмом ни сыграла, как бы ни поддерживала и как бы ни обеспечивала максимально комфортное «освобождение» бывших республик СССР – хоть в какой-то степени продолжает СССР как геополитическую реальность и субъект международного права, значит, холодная война не закончилась и ее надо добивать. Миф о «поражении СССР» – и России как «продолжателе» (и создателе) СССР – миф о победе «демократического Запада» в холодной войне начал свое губительное действие.

Недоговороспособная история

«Война на добивание» обозначилась в публичном поле не сразу, а лишь тогда, когда в России начали наконец формулировать свою оценку недавнего прошлого. Ни «беловежская эйфория» либералов-западников, ни истошная истерика «вечно вчерашних» коммунистов не были опасны с точки зрения геополитической мифологии.

Путинская попытка заговорить о событиях 1991 года стала первой попыткой продолжить линию революционного оппортунизма – признать реальность и осмыслить свое в ней место. А подобная попытка не могла не привести к осознанию очень простого факта: *в результате мужественного, миролюбивого и жертвенного поведения России в 1991 году* мир избежал катастрофы, Европа и США утратили агрессивного врага, шанс на ревизию мироустройства был использован, но при этом *никакого поражения России и всей той линии, которую она в мировой истории «продолжает», не произошло.*

Россия очень многое потеряла. Но перехода количества в качество не случилось. Осталась ядерная мощь. Осталось и укрепилось национальное самосознание. Остался (точнее, не исчерпался) интеллектуальный потенциал. Остались геостратегические позиции и цивилизационные связи.

...на щит была поднята идеология «исторического поражения России», которое она, Россия, должна признать

Именно тогда на щит была поднята идеология «исторического поражения России», которое она, Россия, должна признать. Именно тогда началась война прежде всего против той новой реальности, в которой неожиданно выяснилось, что никакого краха, никакого прекращения существования России не произошло. Именно тогда начала формироваться платформа антироссийского реванша.

Реванш – уточним – это логика действий *проигравшей* стороны. Нынешний антироссийский национал-демократский реванш – это не только попытка аннулировать результаты великой победы России во Второй мировой войне. Это гораздо более острая, близкая реакция на неудачу врагов России, не сумевших воспользоваться колоссальными возможностями, которые им предоставил неуклюжий, антироссийский по своей природе коммунистический режим. Режим, который стал последней ставкой радикальной западной идеологии в ее противостоянии российской цивилизации. В 1991 году Россия не проиграла, а советскому режиму не удалось – вместе с Западом – не дать ей продолжить свою историческую судьбу.

...главный удар сегодня направлен в прошлое, в историю, в ту самую, которую так полюбили дискредитировать на всех уровнях

Вот почему главный удар сегодня направлен в прошлое, в историю, в ту самую историю, которую так полюбили дискредитировать на всех уровнях и по всем фронтам – в том числе «объединенным гражданским». И то, что на одном фланге – демшизы, переходящей в демпаранойю, – обеспечивают идеологические маньяки академик Фоменко и гроссмейстер Каспаров, на дипломатическом уровне вовсю разворачивают дипломатии «новых европейцев».

Методологически они воспроизводят «беловежский кошмар» – возможность постфактум денонсировать давно не действующий договор, вернуться в

прошлое и поправить там то, что не нравится сегодня, то есть, собственно, придать истории *обратную силу*.

Авторов Беловежских соглашений можно было понять – они унаследовали западную по своему существу методологию коммунистов, которые всегда считали себя хозяевами прошлого (таким же образом коммунисты своевольничали, восстанавливая в партии разоблаченного врага народа Бухарина и отказывая в реабилитации английскому шпиону Берии). Но при этом они выпустили, как джинна из бутылки, опасную технологию делегитимации прошлого в интересах сегодняшней политической конъюнктуры.

Вряд ли это осознавалось или обсуждалось в явном виде, но в основе готовности к принятию опасных решений, открывающих дорогу к переигровке Ватерлоо, Аустерлица и Куликовской битвы, лежал, как можно предположить, расчет на инстинкт самосохранения. Представлялось, что все «герои» революции 1991 года заинтересованы в сохранении исторического статус-кво: слишком уж слабыми оказываются правовые позиции всех без исключения участников тех событий.

Однако *руководство стран Прибалтики попало под гипноз собственной неуязвимости* – возможно, под влиянием гипертрофированных ожиданий от дееспособности НАТО, возможно, в силу низкой, провинциальной политической культуры своих элит, скачком возвысившихся от статуса советских региональных партхозактивов до уровня участников (а то и идейных лидеров) мирового политического процесса (пусть и под управлением прикомандированных вашингтонских эмиссаров).

Уже сами по себе конституционные процессы в Латвии и Эстонии (в Литве «нулевой вариант» исходил из более реалистического отношения к истории) давали основания для разрушения всей системы договоренностей, в результате которых оформилась новая, постсоветская независимость прибалтийских стран. Но, не встретив отпора в своих попытках «отмены советского периода» (с продлением действия досоветских конституций и с введением статуса «неграждан» для почти половины граждан Эстонской и Латвийской ССР), национал-демократы пошли дальше: они оказались востребованными на переднем крае *борьбы за делегитимацию России.*

Именно сейчас западное сообщество стало активно и повсеместно применять в качестве инструмента достижения своих геополитических целей практику отмены легитимности тех или иных давно состоявшихся политических решений. В первый момент на передний край этой практики вышли так называемые оранжевые революции – процессы силового захвата власти через непризнание результатов выборов, коль скоро эти результаты не устраивают Запад. Первоначально метод срабатывал в ситуациях, когда правящие режимы, не устраивающие Запад, подставлялись сами – действовали грубо, недемократично, откровенно подтасовывали результаты выборов. Довольно скоро выясни-

...вопрос о легитимности демократических процедур решается «демократической мировой общественностью» произвольно, по праву самозахвата

лось, что дело в другом – в том, кто из кандидатов (политических сил) будет признан «демократическим», а кто – нет. Оказалось, что «демократический» кандидат (всегда и всюду тот, который выступает против России) имеет право оспаривать любые результаты выборов, а вопрос о легитимности демократических процедур решается «демократической мировой общественностью» произвольно, по праву самозахвата.

Совершенно аналогичным образом – с другой стороны – зашли прибалтийские, а за ними украинские и грузинские «хронодемократизаторы». Здесь по тому же праву самозахвата началась системная атака на исторические документы, одни из которых (такие как решения «народных сеймов» 1939 года о вхождении трех стран в состав СССР или Конституция СССР 1977 года, в которой перечислялись все союзные республики, включая и прибалтийские) объявлялись юридически ничтожными, другие (такие как Тартуский договор) – основанием для немедленного истребования всевозможных ушей от осла.

Сегодня не вызывает никаких сомнений и направленность работы национал-демократической «машины времени»: *антироссийский реванш.* **Вместе с исторической реальностью советского периода истории XX века отвергается и реальность его прекращения: фактически провозглашаются ничтожными и роль России в уничтожении коммунистического режима, и ее статус одной из главных жертв этого режима, и все форматы ее участия в становлении современного мироустройства.**

А значит, «демократизаторами» действительно закладывается сверхмощная мина под существую-

щее мироустройство. Как известно, неосторожное поведение в прошлом – пусть речь идет всего лишь о пересмотре роли бабочки – ведет к известным последствиям, которые называются «И грянул гром» (в классическом рассказе Брэдбери смерть бабочки обернулась приходом к власти в США фашиста и поджигателя войны). Другой англоязычный пророк – Бернард Шоу – тоже может считаться методологическим первопроходцем: в его политико-фантастической пьесе «Тележка с яблоками» для того, чтобы предотвратить последствия прихода к власти в Англии революционно настроенного короля, американцы денонсируют декларацию независимости и объявляют выборы в общий парламент Британской империи.

В нашем случае единственным способом недопущения самозахватов в историческом прошлом могло бы стать адекватное противодействие на тех же участках боевых действий. Много чего можно денонсировать по праву правопреемства от имени СССР (раз уж оно так агрессивно нам навязывается): и Брестский мир, ставший юридическим основанием для независимости Финляндии, Польши и Прибалтики, и Тартуский договор, и договор о переходе Вильнюса в состав Литвы, и решение о передаче Крымской области от РСФСР в состав УССР, и уж конечно Акт о государственной не-

Неуклюжая, непрезентабельная битва за прошлое становится неожиданным и ярким свидетельством реальности «заката Запада»

зависимости трех стран от **9 сентября 1991 года**. Можно также отозвать некоторые голосования в СБ ООН, можно по некоторым поводам применить право вето – сколько бы лет назад ни происходило голосование. В конце концов, те процессы, которые сегодня запускают прибалтийские «демократизаторы», всего лишь дискредитируют демократическую систему изнутри, а главное, денонсируют саму по себе договороспособность «новых европейцев» и подсказывают нам направления и методы законной обороны.

Но есть и еще одно – наверное, самое важное – обстоятельство. Неуклюжая, непрезентабельная битва за прошлое, развернутая национал-реваншистами в союзе с нарождающимися на наших глазах «либерал-шахидами», самоубийцами демократии, становится неожиданным и ярким свидетельством реальности «заката Запада» – того Запада, который не признает реальности настоящего, Запада, оказавшегося неспособным использовать колоссальный шанс, предоставленный ему на рубеже тысячелетий выстоявшей и победившей Россией.

Глава III
ЗАКАТ ЗАПАДА

Казавшаяся еще несколько лет назад невероятной антироссийская консолидация Запада, удивительная по своей скорости и одиозности трансформация политики «наиболее развитых стран» в сторону предельно идеологизированных, иррациональных схем, наследующих худшим традициям коммунистической и нацистской геополитики, наконец, угроза реализации полувековой давности страшилок американских фантастов (про приход к власти в Самой Великой Стране невменяемого маньяка-агрессора, готового взорвать мир) – все это стало логическим завершением очень глубоких и уже давно проявившихся тенденций. Тенденций «усыхания» энергетики великой западной цивилизации. Тенденций ритуализации и обессмысливания духовной и социальной жизни.

Цивилизация юзеров

На рубеже веков эти тенденции породили реакцию, которую и в России, и на Западе не поняли.

Заговорили о неожиданном «ультраправом повороте», ужасались успехам Ле Пена во Франции, Йорга Хайдера в Австрии, Пима Фортейна в Голландии. Но реальность выходила далеко за рамки традиционных «право-левых» политических штампов.

У Пима Фортейна, Ле Пена, Джанфранко Фини и Йорга Хайдера было нечто глубоко родственное – но это родство вовсе не лежало в политическом смысловом поле. Назойливые попытки комментаторов свести ситуацию к традиционным формулам постоянно натыкались на парадоксы. «Ультраправые» сторонники Фортейна радикально защищали либеральные ценности в их специфической голландской подаче (включающей свободу однополых браков и курения марихуаны). Их «ультраправого» лидера тем временем злодейски убил представитель «лево-зеленых» (по традиции – противников войны и насилия). Нет смысла всерьез спорить и о политической платформе господина Ле Пена – это эклектичная, популистская и достаточно дурно пахнущая политическая платформа (потому что в контексте истории XX века даже единичная фраза о том, что печи холокоста – это «лишь эпизод», раз и навсегда перечеркивает политическую репутацию произнесшего такую фразу деятеля). Куда важнее, однако, вовсе не платформа Ле Пена, а мотивация избирателей, голосовавших

Заговорили о неожиданном «ультраправом повороте». Но реальность выходила далеко за рамки традиционных «право-левых» политических штампов

за него (и других «ультраправых»). Потому что голосовали они вовсе не за правых или левых, не за «принципы демократии» или «национальную идентичность», в общем, не за слова, а за свою тревогу, переходящую в ужас. Ужас абсолютно конкретный, повседневный ужас перед наводняющими расслабленную Европу мрачными и презирающими ее ценности «гостями», ужас перед безнаказанной и наглой бодростью арабских террористов, перед энергичной злобой тысяч и миллионов тех, для кого день **11 сентября 2001 года** стал праздничным, для кого печи холокоста не «эпизод», а воспаленная мечта, объект для откровенной зависти и подражания. И вот тут-то и обозначился момент истины – точнее, ее полного отсутствия.

Что предлагал избирателям традиционный профессиональный политический класс – сторонники европейского объединения, защитники прав человека, политкорректные мультикультуралисты?

...когда дом рушится, а вокруг болтают пустяки, обращаешься к кому угодно, если он по крайней мере пытается говорить о том, что действительно важно

Представим себе обывателя, у которого по каким-то печальным причинам начал рушиться дом. Полмансарды снесло, потолок треснул, стена уже готова съехать в близлежащую Сену (Темзу, Рейн). Обыватель цивилизованный – он хватает телефонный справочник и звонит во все ремонтные бригады одновременно. И вот к покосившемуся крыльцу подкатывают сразу не-

сколько блестящих автофургонов, из которых выгружаются нарядно одетые работнички и начинают между собой спорить. «Да что вы! – кричит один. – Голубовато-розовый оттенок – это традиционный цвет, в который принято у нас красить потолки!..» «Как вы смеете! – включается другой. – Без кремового кафеля камин перестанет быть камином!» Сзади раздается треск – в гостиной рухнула люстра. «Да, кстати, – включается третий конкурирующий ремонтник, – свобода выбора обойного клея...» И тут во двор въезжает... Ну, скажем, старый велосипед. С велосипеда сходит препротивного вида клошар, практически в лохмотьях, и обращается к хозяину дома с такими словами: «Эй, брат! Да у тебя ж дом рушится! Ты чего? Это ж во всем полтергейсты виноваты! Давай быстро петуха зарежем, шамана вызовем, три раза через плечо плюнем! Голосуй за меня! А то дом рухнет окончательно!»

В принципе, обыватель цивилизованный и приличный. За последние пару десятков лет он привык к этому масштабу проблем – в пределах от цвета потолка и кафеля до состава обойного клея. Более того, он когда-то окончил университет и не верит в полтергейсты и шаманов, а клошаров в лохмотьях сторонится с детства. Но всему есть предел: когда дом рушится, а вокруг болтают пустяки, обращаешься к кому угодно, если он по крайней мере пытается говорить о том, что действительно важно. Обыватель нерешительно плюет через плечо. И тут поднимается вопль: «Нам стыдно быть ремонтниками! Защитим гражданские права полтергейстов! Потолки должны быть голубовато-розовыми!».

Совершенно аналогичная картина сложилась на рубеже веков в политической жизни Запада. Традиционные механизмы социальной самоорганизации и самозащиты выявили свою несостоятельность, угрозы стали более очевидными, а политический класс оказался не способен подняться над уровнем извечного спора между партиями остроконечников и тупоконечников. А на табуированный разговор по существу оказались способны только те, кто изначально был вытеснен за пределы системной политики – маргиналы, радикалы и сумасшедшие. В результате возникло опасное социально-психологическое искушение – либо избиратель зажмуривает глаза, затыкает уши и методом «орел или решка» выбирает между неразличимыми право-левыми, либо, разозлившись на бессмысленное бормотание «системных политиков», мстит им, себе и системе по принципу «пусть назло моей маме у меня отмерзнут уши» – и голосует за политиков очевидно невменяемых, маргинальных, несущих чепуху и бред, но зато о действительно важных проблемах.

Жвачная политика породила спрос на хищников – пусть даже на гиен и шакалов. А население Земли, принадлежащее к «западной» цивилизации, оказалось институционально неспособным не только противостоять глобальной угрозе, но даже распознать и адекватно отрефлексировать эту угрозу, несмотря на всю ее очевидность. Потому что рефлексия оказалась подменена рефлексами.

Лет тридцать – сорок назад любой автовладелец достаточно хорошо представлял себе, как устроен двигатель внутреннего сгорания, конструктор космической техники знал устройство ракеты до по-

следнего гироскопа, а принципы работы бытовой техники постигались домохозяйкой на основе знаний, почерпнутых в школе. Лет двадцать назад человек начинал знакомство с компьютерной техникой с изучения языков программирования и физических принципов работы электронно-счетных устройств. Сегодняшняя развитая мировая экономика с огромной скоростью превращается в пользовательскую экономику в чистом виде, а цивилизация становится способом существования юзеров – причем на всех уровнях сразу.

Миллионы молодых людей, сутками сидящих в Интернете, в принципе не понимают, что «виртуальная реальность» существует на каких-то конкретных «железных» носителях – они пользуются удобными *пользовательскими* интерфейсами, сооруженными специально для них в лабораториях Билла Гейтса, и чувствуют себя магами, живущими непосредственно в виртуале. Но что еще более важно, так это то, что в лабораториях Гейтса новые суперинтерфейсы собираются, как игрушки «Лего», из осколков давным-давно построенных программ, в результате чего и возникают (и путешествуют из «Виндов» в «Винды») причудливые майкрософтовские «глюки». И собиратели программ из кубиков-«лего» – это тоже пользователи, имеющие возможность не думать об оптимизации алгоритмов, о со-

...мировая экономика превращается в пользовательскую экономику, а цивилизация становится способом существования юзеров

держании и смысле давно предложенных информационно-технологических решений.

Миллионы автомобилей выводят на улицы «белые воротнички» и их утонченные жены, даже не подозревающие о том, что машину можно чинить своими руками – да и зачем: автосервисы на каждом шагу. Но еще более важно, что в автосервисах место «дяди Вани» с его монтировкой и интуицией занимают те же самые «белые воротнички», которым для определения причин поломки вашего авто нужны ваши ответы на специальный тест, чтобы ввести их в компьютер и получить пошаговую инструкцию, в которой будет прописано все – от номера полки на складе, где лежит нужная запчасть, до очередности действий с отвертками, болтами и гайками.

...устойчивость развития становится заложницей хаотического произвола эмоций и настроений миллионов юзеров

Информационно-технологическая революция сыграла с наиболее передовой частью человечества злую шутку: достигнув в своем развитии очень высокого уровня, получив возможность решать задачи практического жизнеобеспечения в очень широком ранге проблем на «автопилоте», общество с радостью бросилось в объятия спасительной интеллектуальной лени. Оно позволило в течение довольно короткого времени ритуализировать, заменив рефлексию рефлексами, почти всю систему организационных, экономических, а в последнее время и политико-идеологических инсти-

тутов. В результате сложные и в свое время адаптированные для решения конкретных задач алгоритмы на глазах выхолащиваются, превращаясь в бессмысленные и неэффективные стереотипы.

Высокотехнологическая армия в 1991 году, во время операции «Буря в пустыне», демонстрировала свое несомненное преимущество над тоталитарной иракской военщиной советского образца. Но уже в 1993 году те же технологии дали сбой в Сомали. А в случаях с Югославией и Афганистаном стереотипный, штампованный характер военных операций Запада, их стилистика хорошо вооруженного, но начисто оглохшего и ослепшего терминатора стали очевидны всему миру (в том числе и окончательно обнаглевшим террористам).

Пользователи, с каждым годом все меньше понимающие, чем именно они пользуются, оккупировали мировые фондовые рынки. Экономика превращается в виртуальное шоу, в котором психологические срывы игроков и состояние информационного поля намного важнее, чем развитие «реального сектора» – и в результате мировое хозяйство все в большей степени становится похоже на набор фишек для глобальной игры в «монополию», грандиозные состояния закачиваются в перегретую и совершенно условную цену акций, а устойчивость развития становится заложницей хаотического произвола эмоций и настроений миллионов юзеров, принципиально лишенных возможности осознать экономические и хозяйственные последствия предпринимаемых ими действий.

Похожие вещи происходят и в политико-идеологической сфере. В ней господство юзеров про-

явилось в торжестве не подвергаемых сомнению (а потому вышедших из-под контроля обратной связи с реальностью) принципов «политкорректности». И ситуация здесь гораздо более серьезная, чем об этом принято шутить в «антиполиткорректно» настроенных кругах. Все эти запреты на слова «негр», «калека» и «пидор», все эти анекдотичные законы против «харрасмента» и процентные нормы для устройства на работу одноногих лесбиянок стали реакцией наиболее просвещенной части человечества на ужасы XX века, на апартеид и тоталитаризм, на безнаказанное и массовое насилие над личностью, нашедшие свое крайнее выражение в печах Освенцима. А значит, за превратившимися в рефлекс «политкорректными» штампами – одно из высших достижений гуманистической традиции.

Трагедия в том, что подмена рефлексии рефлексом ведет к нарастанию неразрешимых противоречий, взрывающих человеческое сообщество изнутри. Этому учат (точнее, как всегда, не учат) нас многочисленные уроки истории: когда человеческое общество «теряет нить», утрачивает обратную связь с исторической действительностью, привычные методы действий ведут к результатам, противоположным задуманному.

Так пацифистская идеология «умиротворения» в середине 1930-х годов привела к ураганному росту военной силы и агрессивности нацистской Германии – одного из главных источников военной угрозы человечеству. Так благородные принципы «антифашистского союза объединенных наций» отдали в конце 1940-х годов на поток и разграбление сталинскому террору население стран Восточ-

ной Европы и миллионы русских беженцев. Так господство эгалитаристских настроений заставило лидеров общественного мнения Европы и Америки в течение десятилетий закрывать глаза на ужасы коммунистического террора (чтобы не повредить «делу социальной справедливости»). Так леволиберальные американские евреи из гуманного сочувствия к страданиям палестинского народа поощряют администрацию США к выкручиванию рук израильскому правительству перед лицом безжалостного и циничного, хорошо организованного и вооруженного палестинского террора. Так миротворцы из Совета Европы и американского Госдепа осуждают «непропорциональное применение силы российской армией в Грузии» (а раньше – в Чечне), прямо поощряя тем самым безумца Саакашвили или вполне разумных посланцев Бен Ладена на Кавказе к новым массовым терактам. Так наши российские ханжи-непрофессионалы (кстати говоря, с тем же позорным бредом насчет «непропорционального применения силы» и «грязной войны») становятся на защиту исламских фанатиков, глупо и недальновидно предавая израильтян – многолетних естественных союзников России по общей борьбе с международным террором.

...подмена рефлексии рефлексом ведет к нарастанию неразрешимых противоречий, взрывающих человеческое сообщество изнутри

Именно так сегодня идеология политкорректности и мультикультурализма, идеология толерант-

ности любой ценой, идеология недопустимости силовой самозащиты христианских ценностей создает защитно-маскировочную стену, под прикрытием которой бурно наращивает силы мировая террористическая коалиция.

И когда события **11 сентября 2001 года** показали, что речь до сих пор могла идти лишь о фантастической недооценке угрозы, о «недопременении силы» со стороны цивилизации против варварства, вся интеллектуальная сила «общечеловеков» вроде лорда Джадда оказалась направлена исключительно на то, чтобы подогнать новые факты под старую теорию, в центре которой – политическая борьба против России, «непропорционального применения силы» и прочих действий, не укладывающихся в рамки псевдолиберальной «политкорректности».

Минувшие семь лет стали годами нарастания «политкорректной» русофобии

Минувшие семь лет – семь лет, которые, после руки помощи, протянутой Россией Западу, могли бы быть потрачены на консолидацию в борьбе против настоящего Зла, – стали годами нарастания «политкорректной» русофобии, годами упущенных возможностей. Общими усилиями «глобальных демократизаторов» террористы от Усамы Бен Ладена до шейха Насраллы остались «при своих», еще недавно прозападные (или хотя бы светские) Пакистан и Ирак начали свой путь в талибское будущее, а уровень понимания проблем Западом достиг своего потолка в «ка-

рикатурном скандале». И на этом фоне идеологический радикализм, беспощадность и цинизм исламского фундаменталистского террора вдруг предстал парадоксальным отражением в зеркале мнимого противостояния. Отражением своего главного врага – Запада – с его новыми жутковатыми чертами цивилизационного лица: радикализмом и иррациональной беспощадностью. Стало даже казаться, что речь идет о той самой битве Чужого против Хищника.

Другой ислам

«Карикатурный скандал», кстати, запустили вовсе не воинствующие антиисламисты, не неистовые последователи дела Елены Чудиновой и Ориаиы Фалаччи. «Карикатуры на пророка» – это догматическая выходка идеологов политкорректности, для которых главным было провозглашение своего права осмеивать что угодно, тех самых идеологов, чья проповедь мультикультурализма оставила Запад обезоруженным перед лицом прямой и явной угрозы исламской агрессии.

Именно «политкорректные мультикультуралисты», защитники «маленьких гордых народов» от Чечни до Косово (за вычетом Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии), именно они – люди-галлюциногены (в переводе на европейский – «глюксманы») западного мира поставили вне закона любую нравственную и социальную самозащиту общества, абсолютизировали и фетишизировали мифы, которые позволяют оправдать, а вернее, «отмазать» что угодно и кого угодно.

И одним из первых результатов работы этих «глюксманов» стала моральная реабилитация радикально-исламской интервенции в Европу, легализация западного мифа о радикальном исламе.

Миф, во-первых, провозглашает исламский фундаментализм чем-то в корне противоположным духу Запада, бескомпромиссным врагом западной цивилизации.

Миф, во-вторых, называет исламский фундаментализм молодой силой, поднимающей на бой молодые развивающиеся народы.

Миф, в-третьих, политкорректно утверждает, что «мудрая и древняя авраамическая религия» вовсе не является источником агрессии и угрозы, а главное, не имеет никакого отношения к радикальному фундаментализму, ответственному за **11 сентября 2001 года** и многое другое, что так не нравится защитникам западных ценностей.

В основе мифа – антиисторическое, примитивно-обскурантистское (или примитивно-атеистическое, что то же самое) отождествление религии с культурной матрицей, ценностной системой, определяющей и форматирующей историческое поведение человеческих культур, которые, в отличие от богов и пророков, существуют и противостоят друг другу в реальности. Исторический опыт убедительно свидетельствует: одни и те же религиозные догмы (тексты) способны сосуществовать с самыми разными типами человеческих сообществ. Милосердное и человеколюбивое христианство на определенном этапе развития европейской культуры «спокойно» сочеталось с изуверской, невиданной в истории человечества пра-

ктикой массовых аутодафе. А суровый ислам – с проповедью гедонизма в духе Омара Хайяма и толерантностью мира «Тысячи и одной ночи».

И с этой точки зрения «миролюбие» и «авраамичность» современного радикального ислама – это политкорректный бред. Главной особенностью современного исламского фундаментализма, именно как действующей культурной матрицы, а не внеисторического религиозного текста, является его совершенно неустранимая, непреодолимая изнутри способность к истеризации и самовозбуждению общества, к пробуждению в «народной душе» самых изуверских, атавистических стереотипов поведения.

...«миролюбие» и «авраамичность» современного радикального ислама – это политкорректный бред

Любые попытки апеллировать к практическому опыту «умеренных исламских режимов» только подтверждают этот тезис. Все «умеренные исламские режимы» авторитарны, и только в таком качестве они могут существовать. Стоит «умеренному исламскому режиму» сделать шаг по пути к реальной демократизации, как на авансцену выходят радикальные отморозки.

Египет, Ливия, Сирия, Иордания, Алжир, до недавнего времени Ирак, до 1979 года Иран – авторитарные режимы. Их светский характер, их относительная (иногда очень относительная) умеренность, терпимость, готовность к нормальным отно-

шениям с Западом покоятся на штыках. Стоит дать слабину – и везде начинается одно и то же.

Стоило светскому авторитарному режиму алжирских сепаратистов пойти на «демократизацию», как на первых же относительно свободных выборах в 1992 году победу в первом туре одержали радикальные исламисты, и Запад с колоссальным облегчением встретил антиконституционный военный переворот, совершенный алжирским генералитетом во главе с патриархом алжирской революции 1960-х годов Мохаммедом Будиафом, – вслед за чем на страну обрушились долгие годы кровавого террора «обиженных» исламистов (одной из первых жертв стал Будиаф), массовых убийств мирного населения и вынужденного отказа от демократии. Любые попытки ослабить авторитарный контроль в таких странах, как Египет, немедленно вели к резкому усилению позиций «братьев-мусульман». Стоило «душителю свобод» иранского народа – шаху – отдать восставшему народу всю власть, как в Иране установился самый жестокий и беспросветный в мире клерикальный режим, режим, следует заметить, абсолютно – с формальной точки зрения – демократический, который совершенно демократическим путем год от года ужесточается, приводя к власти все более радикальных фундаменталистов, подобных Ахмадинежаду.

Преодолевать последствия чрезмерной демократии путем военного переворота приходится в исламском мире регулярно

Преодолевать последствия чрезмерной демократии путем военного переворота приходится в исламском мире регулярно (как это уже не раз случалось в Пакистане). Во всех исламских странах самыми радикальными, самыми жестокими политическими движениями являются движения низовые, массовые, популярные, и только авторитарные прозападные элиты как-то сдерживают этот «народный» дух. Что это, как не свидетельство тоталитарно-сектантской агрессивности самой по себе культурной матрицы, превращающей в толпу фанатиков любой народ независимо от этнической принадлежности или исторического опыта?

Единственной, казалось бы, убедительной альтернативой этим утверждениям является опыт Турции – мощной, прозападной, светской и демократической страны. Однако Турция только подтверждает их.

Турция – жесткий антифундаменталистский проект (опять же не в смысле религиозном, а в смысле той самой «культурно-ценностной матрицы»). В Турции место ислама в качестве такой матрицы заняла предельно агрессивная и энергичная политическая идеология националиста Кемаля Ататюрка, в центре которой – признание недееспособности традиционного государства, приведшего Османскую империю к крушению и утрате владений и позиций в мире. Ататюрк, провозглашая веротерпимость и традиционализм, на самом деле нанес удар по средоточию фундаменталистской ценностной системы – по приоритету Корана над законодательством. А это было совершенно радикальной революцией, потому что с точки зре-

ния фундаменталистских ценностей «официальный светский ислам» – это столь же осмысленно, как «официальный христианский каннибализм».

И здесь крайне важны два обстоятельства.

Во-первых, даже в совершенно прозападной, демократической и многопартийной Турции сохраняется в неизменности особая политическая роль кемалистской армии – за ней фактически закреплено право на военный переворот в том случае, если демократия заведет страну «не туда». Опыт показывает, что на протяжении восьмидесяти лет существования республики подобное случалось не раз. И военные были вынуждены то прямо свергать действующую власть и заменять ее военным режимом, то силовым давлением корректировать результаты «демократических выборов», все время норовящих вывести на авансцену все новых и новых радикалов-исламистов.

А **во-вторых**, очень интересна идеология Ататюрка, его мотивация, начисто опровергающая теорию современного исламского фундаментализма как «молодой силы». Кемализм строился на признании исторического поражения традиционной исламской цивилизации в ее противостоянии с цивилизацией западной. Для Кемаль-паши и его соратников было очевидно, что лучшие времена Высокой Порты миновали давно – задолго до того, как в Европе сложилась устойчивая национально-государственная конструкция XVII–XIX веков.

История исламского мира, о чем так яростно твердил одновременно с Ататюрком Освальд Шпенглер, старше, чем история мира западного, и это никак не связано с историей текстов, лежащих в осно-

ве христианской и мусульманской религий. Расцвет халифата, протянувшегося от Ирана до Пиренеев, пришелся на первые робкие шаги франко-германского Запада, а веротерпимый, культурный и дружелюбный ислам, ислам Авиценны и Омара Хайяма – это совсем другой ислам, это зрелый, предзакатный мир, мир «Тысячи и одной ночи» и арабесок, пришедшийся на Средние века и Возрождение. Османская империя была страной дряхлого, разваливающегося исламского общества, пережившего свои сроки, и харизматичный «турецкий Ленин» совершил удивительную трансформацию – он вдохнул в старый, изношенный организм турецкого общества энергию бурно развивающейся, передовой Европы. Именно так – как прорыв из прошлого в будущее, как уход от дряхлого к новому – расценивал сам Ататюрк свою революцию.

Исламский фундаментализм – всегда нигилизм и всегда утопия, то есть «ничто» и «нигде»

Драма сегодняшнего исламского мира – драма народов, вынужденных существовать на развалинах состарившейся и закатившейся цивилизации. Это подтверждается самим характером той самой агрессивной фундаменталистской технологии, который многие считают признаком молодости и роста.

Исламский фундаментализм – всегда нигилизм и всегда утопия, то есть «ничто» и «нигде». В его средоточии не проекты, не стремления, а запреты, догмы, теории по тотальному улучшению мира, те

самые, практический результат которых, по Шпенглеру, – это, «как правило, *бесформенная и потому внеисторическая* масса». «Все улучшатели мира, – продолжает Шпенглер, – отстаивают феллахские идеалы вне зависимости от того, знают они об этом или нет. Их успех означает сход нации со сцены внутри истории, и не в пользу вечного мира, но в пользу других наций». Удивительно здесь словоупотребление великого историка: рассуждая о тенденциях «заката Европы», он использовал понятие «феллахи», взятое из совсем другого контекста.

Глоб-аль-Джихад

Подобное сближение не случайно. Природа двух «непримиримых цивилизаций», схлестнувшихся между собой в схватке «глобализма» и «антиглобализма», системно сближает их и превращает в уродливые отражения, пародирующие друг друга.

Само по себе понятие «глобализм» устроено таким образом, что поглощает самые разные «линии», казалось бы, противостоящие друг другу. Например, так называемый антиглобализм является всего лишь альтернативным глобальным проектом, формирующим свою конфликтную стратегию в рамках глобального мира. Все «антиглобалистские» мероприятия, все «антиглобалистские» символы, живые и мертвые идейные вдохновители – от Че Гевары, субкоманданте Маркоса и Уго Чавеса до европейских вандалов, гоняющихся по всему миру за форумами «глобализаторов», – все они встроены в единую систему интересов, которая бы-

ла бы абсолютно бессмысленной в любой иной, не глобальной реальности. Поэтому речь идет не об антиглобализме, а об альтернативном глобализме, о версии глобализма, продолжающей идейно-политическую линию «западных левых», линию, существующую давно и известную хорошо.

На самом деле «анти»-вариант глобализма является доведенной до абсурда версией традиционных западных ценностей, противостоящей собственно глобализму так же, как нигилизм левых западных интеллигентов противостоит фундаментализму неоконсерваторов – бывших троцкистов, выстроивших свой «правый» радикализм на сакрализации либеральных (бывших «левых») ценностей. «Фундаментализм» неоконсерваторов – рассудочный, догматический, отчужденный, лишенный живой связи с потребностями «простых граждан», в его эмоционально-смысловом центре, то самое «знание как надо», от которого предостерегал поэт. А значит, два глобализма – это всего лишь две стороны одной медали, одного западного культурно-идеологического проекта, и их противостояние чем дальше, тем больше вырождается в «битву нанайских мальчиков», в имитацию конфликта, позволяющую обеспечить глобальный охват планеты «с двух флангов».

...так называемый антиглобализм является всего лишь альтернативным глобальным проектом

В этом контексте исламский фундаментализм сегодня – никакая не альтернатива западному гло-

бализму. Это всего лишь другой глобализм, более дряхлый и потому жестокий, это мрачный «образ будущего» для закатывающейся Европы.

Между двумя глобальными проектами прослеживается множество явных параллелей.

Утопизм и нигилизм, отказ принимать во внимание особенности народной души и стиля жизни людей, готовность принести их в жертву доведенным до абсурда, хотя и вполне благообразным требованиям, основанным на собственном «знании как надо», – все это неотъемлемые черты двух проектов.

И не случайно глюксманы-радикалы из числа вождей политкорректности так часто оказываются в роли адвокатов радикально-исламистского изуверства самого последнего пошиба, как не случайно и то, что именно радикалы-либертарианцы, готовые отдать жизни тысяч русских детей за право Ахмеда Закаева публично проповедовать людоедство, оказываются в первых рядах провокаторов, предоставляющих своим исламистским подельникам карикатурные поводы для погромов и истерик.

Доведенная до абсурда, политкорректность превращается в типичные нормы шариата, мелочно регламентирующие повседневное поведение

И современный фундаменталистский ислам, и западный глобализм глубоко иррациональны, хотя мотивируют свой иррационализм ссылками на рационализированные авторитеты («права и свободы» с одной стороны, и нормы шариата – с другой).

В обоих случаях собственное «священное право» на агрессивный прозелитизм, на вмешательство в дела других народов, на экспорт системы ценностей, на унижение и уничтожение других образов жизни оправдывается псевдорациональными категориями: тем, что именно такие ценности являются «высшими достижениями человеческой цивилизации» («священными словами Аллаха, продиктованными Магомету»). В обоих случаях наличие подобных лжеобъяснений дает толчок абсурдным, необъяснимым в той же логике действиям (произвольные, нарушающие всю действующую систему мироустройства натовские бомбардировки Сербии в интересах косовских албанцев; разрушительные «великие походы» Ирана против Ирака, Ирака против Ирана, Ирака в Кувейт и др.). В обоих случаях «принципиальность» сводится к полному игнорированию существа провозглашенных принципов. Доведенная до абсурда, политкорректность превращается в типичные нормы шариата, мелочно регламентирующие повседневное поведение, абсолютизирующие условности и накладывающие на человека множество претенциозных искусственных ограничений.

И современный исламский фундаментализм, и западный глобализм в полной мере глобальны, точнее, интернациональны, а еще точнее – антинациональны. Любые попытки отстоять свою особость вызывают гнев, любой суверенитет становится костью в горле. Удивительным образом у двух проектов одни и те же противники.

Тот факт, что и «Аль-Каида», и Буш были яростными, нерассуждающими врагами националисти-

ческого режима Саддама Хусейна в Ираке, всего лишь продолжает более давнюю историю, когда исламский радикализм афганских моджахедов оплачивался и раскручивался по американской инициативе, за американские деньги – раскручивался против СССР, против России.

Россия в начале прошлого века стала первой жертвой агрессивного экспорта западной идеологии в ее наиболее крайних, радикальных проявлениях. Один из первых идеологических предвестников кризиса Запада, коммунизм «срезонировал» с массовыми настроениями российского общества и тем самым чуть не обрек молодую энергию русской цивилизации на смерть после фальстарта.

Совершенно не случайно то, что Россия, однозначно и жестко занявшая после **11 сентября 2001 года** позицию безоговорочной поддержки США в борьбе с фундаменталистской агрессией (политкорректно названной «международным терроризмом»), довольно скоро почувствовала, что даже такая поддержка не разрушила привычную структуру противостояния: послы чеченских детоубийц, что бы ни творили их «амиры» в России, принимались как «правозащитники» во всех западных столицах, где они гораздо более близкие «свои», чем конструктивный и корректный, но все-таки национальный «режим Медведева – Путина».

Справедливость требует здесь обратить внимание на то, что российская внешняя политика, втянутая в «битву нанайских глобалистов», регулярно идет на ошибочные, навязанные логикой «глобальных конфликтов» шаги – то заигрывая с Ираном, то вызывая на переговоры Хамас. Здесь россий-

ские национальные интересы приносятся в жертву чуждым стереотипам глобалистского мироощущения, для которого в равной степени враждебны и Россия, в которой зарождается единая нация, и Израиль, где живой, бодрый и союзный России по интересам еврейский национализм многие десятилетия подвергается объединенной травле как со стороны либерально-космополитического «интернационала», частью которого являются еврейское лобби в США и израильские «левые», так и со стороны безродных поджигателей интифады исламского разлива.

...российская внешняя политика регулярно идет на ошибочные, навязанные логикой «глобальных конфликтов» шаги

Наконец, и современный ислам, и западный глобализм порождены дряхлыми, пустеющими (или уже опустевшими) в интеллектуально-культурном смысле идеологиями, все более похожими на набор ничего не значащих ритуальных заклинаний. И те и другие поражают своей пустотой, воплощающей в полной мере нигилизм и утопию, и те и другие придают колоссальное значение мелочам и пустякам, игнорируя и принося в жертву этим пустякам куда более важные вещи (прежде всего – жизни живых людей). Обе эти конечности растут из одного и того же места, где нет ни разума, ни души, ни человечности.

Агрессивность и напористость двух глобальных проектов не отменяет их главной внутренней чер-

ты – как «проекты заката», они не только разрушительны, но и саморазрушительны.

Никто сегодня так последовательно и глубоко не дискредитирует систему западных ценностей, весь каркас великой западной цивилизации, как миссионеры политкорректности, провозвестники глобальной демократической революции из числа американских неоконсерваторов и гаагских прокуроров, все те, кого пламенная Фалаччи окрестила «стрекозами». В конце концов, историческая судьба – в отличие от законов физики – подразумевает многовариантность заката: он может быть долгим, достойным и красивым, может быть нелепым и кровавым, и зависит это от качества людей, оказывающихся на первых ролях.

Никто сегодня так последовательно и глубоко не дискредитирует систему западных ценностей, как миссионеры политкорректности

В той же мере, если говорить об исламе как религии, как совокупности смыслов и текстов, как об историческом наследии, никто не наносит ему такого разрушительного, уничтожающего удара, как исламские радикалы: именно они подрывают саму возможность сохранения живого исламского наследия в современном мире, именно они, ополчаясь на умеренные исламские режимы и приводя к власти новые и новые «хамасы», не оставляют Западу, России, Израилю и иным пока еще способным на самосохранение центрам силы иного выбора, кроме осознания несовместимости «фун-

даменталистской матрицы» с выживанием человечества.

Главная проблема в том, что западные глобализаторы, «улучшатели мира» в своей неспособности выйти за пределы догм, в своей одержимости проповедью давно неактуальных «знаний как надо», в своей насильственной демократизации, становящейся всего лишь одной из форм самоубийственного всемирного джихада, направленного против всего, что живет, дышит и имеет тенденцию к росту и развитию, оказываются все ближе к «феллахам» из числа исламских радикалов.

А это значит, что Россия, которая чудом сумела уцелеть в круговерти коммунистического псевдоморфоза и не разрушиться окончательно под обломками западнической марксистской утопии, стоит сегодня перед цивилизационным вызовом такой остроты и накала, с каким она не сталкивалась, возможно, никогда за свою тысячелетнюю историю.

Глава IV
ВОСХОД РОССИИ

Русский проект сегодня становится главным шансом для человечества. В условиях информационной глобализации, которая, в отличие от глобализации экономико-политической, является процессом объективным и прогрессивным, все менее реально автономное развитие человеческих культур. Сегодня судьбы культурных мегапроектов тесно переплелись. Полный «закат Европы» становится смертельно опасным, поскольку «Европа» пронизывает весь мир. Грядущий восход России – надеждой и шансом для человечества, потому что «Россия» пронижет и поведет весь мир за собой.

Оформить Россию

Россия находится на пороге грандиозной социокультурной революции. Это совершенно объективный процесс.

Российское общество искусственно задержано в своем развитии на несколько сотен лет. Сначала

Петровские реформы создали на месте московско-русского «протообщества» типичный псевдоморфоз, когда еще не оформившемуся социальному организму были навязаны жесткие, функциональные, эффективные, но органически чуждые ему рамки западноевропейской цивилизации.

Искусственное сдерживание развития «собственно русского» культурного каркаса привело к колоссальному нарастанию внутренней напряженности, к формированию двух социумов – искусственно «продвинутого», европеизированного слоя дворян, бюрократии и интеллигенции (разночинцев) и столь же искусственно заторможенного в своем развитии слабоструктурированного народного «протообщества».

Искусственное сдерживание развития «собственно русского» культурного каркаса привело к колоссальному нарастанию внутренней напряженности

Столетиями Россия оставалась страной камаринского мужика, сукина сына, бегущего вдоль по ненавистной улице назло всем с голым задом (и хорошо еще, если перед этим он не запалил овин). Страной, в которой государство отождествлялось с «опричной» властью и действовало согласно оккупационной логике, а подданные ощущали себя на чужбине и портили все вокруг назло оккупантам-начальникам. Страной, которая никому не наша и всем – «эта».

Энергия сжатой пружины начала высвобождаться после марта 1861 года (освобождение кре-

стьян) и окончательно уничтожила прежний социальный каркас после 1917 года.

Когда социальная энергия вырывается на свободу, есть две возможности. Она может рассеяться, если социальная активность не будет объединена, синхронизирована, настроена на единый ритм. В противном случае, если революционный процесс будет идеологически оформлен, возникает эффект колоссального резонанса, кумулятивный эффект собирания и целенаправленного выброса социальной энергии. «Синхронизация» общества состоит в нахождении общего для всех стиля, общей системы социальных мифов, общей системы ценностей. В результате происходит не только аккумулирование социальной агрессии, но и существенное усиление индивидуальности, ощущающей свою сопричастность к единому гармоничному социальному оркестру. Возникает единая «вертикально интегрированная» система бытового, культурного, социального, экономического и политического поведения. Процесс национально-культурного возрождения, процесс роста национального и индивидуального самосознания, процесс активизации внешней политики страны становится неудержимым.

Так случилось и в России после 1917 года. Однако важно отметить, что если факт социального взрыва определяется объективными количественными причинами (есть ли эта энергия и сколько ее), а новый стиль общественной самоорганизации – объективными качественными причинами (структурой и форматом всей совокупности социально-политических, географических, исторических и иных внешних условий), то конкретная наполнен-

ность «сильной идеологии» – следствие субъективных, иногда случайных факторов. Прежде всего личностных – кто именно лучше всего выразит «новый стиль», кто предложит наиболее «цепляющую» общество систему мифов и лозунгов.

России в 1917 году не повезло фатально – победили Ленин и Сталин, гениальные стилисты, но при этом маргинальные, социально деструктивные и биологически безответственные элементы. Их гениальность как стилистов привела к поразительно эффективному аккумулированию революционной энергии, к небывало стильному и сильному позиционированию Советской России, с которой никто не мог ничего сделать. Экспансионистские устремления социума опережали все иные (главным был не лозунг «хлеба, мира и земли», а лозунг «мировой республики Советов»; сторонники советской экспансии вербовались по всему миру, прежде всего из среды представителей авангардной культуры, лидеров мирового художественного стиля). Версия Суворова-Резуна о том, что итогом Второй мировой стало чудовищное поражение Сталина, внутренне логична – до **22 июня 1941 года** проект всемирной экспансии сталинского стиля казался обреченным на успех.

...конкретная наполненность «сильной идеологии» – следствие субъективных, иногда случайных факторов

Почему коммунизм Ленина – Сталина срезонировал в России, почему он так безудержно вырвался

вперед в соревновании с другими претендентами на лидерство в «русском проекте» начала XX века (такими как Колчак и Деникин)? Именно потому, что был в полной мере, без всяких ограничений направлен на идейно-стилистическую экспансию, на то, чтобы как можно более грубо и узнаваемо ответить на массовые ожидания русских (здесь и далее под словом «русские» будет пониматься вся совокупность людей, вовлеченных в проект «Россия», вне зависимости от этнической принадлежности).

Большевизм, провозглашая себя «революционным учением» и «социально-экономической теорией», вел разговор с народом исключительно языком проповеди. Никакие самые гневные ленинские филиппики против «буржуев» и «помещиков» не достигали такой степени гнева и ненависти, как его даже не богоборческие, а богоненавистнические призывы («всякий боженька есть труположество»). Наиболее востребованной, наиболее мощной альтернативой большевизм стал вовсе не капитализму (которого в России в полной мере еще не было) и не феодализму (которого в России не было уже), а православию. Большевизм победил не как политика и не как наука, а как откровение.

...наиболее мощной альтернативой большевизм стал вовсе не капитализму и не феодализму, а православию

Фактически именно большевики, а не неудачливый митрополит Введенский стали настоящими

«живоцерковниками». Они предложили народной душе свою лжетроицу (Ленин – Сталин – Коммунизм), перенося ее из Завета в сегодня и делая живее всех живых. Произошло «обновление» Завета, его «оживление», по своей мистической силе вполне сравнимое с тем, которое потрясло мир 19 веков назад, когда Ветхий Завет вдруг был заменен Новым, существующим здесь и сейчас и связанным с живым Человеком, о Котором сохранились рассказы тех, кто Его слышал и видел своими глазами.

Большевики – осознанно или случайно – ответили на главный запрос народной души. Предшествующее им столетие было пронизано жаждой живой благодати, живого общения с «живым Христом» – отсюда и бесчисленные «хлысты», спешившие к такому общению хотя бы в своей собственной душе, и прочие «старцы» и «сектанты», ставшие питательной средой революционного брожения в народных низах и пронизавшие общественный организм страны снизу до самого верха (на самый верх проник свой специальный «хлыст» – Распутин).

Все остальное было вторичным. Воскрешение Лазаря Миром, кормление миллионов крестьян Хлебом и отпаивание тысяч свадеб Землей – все это было лишь ритмическими заклинаниями, мифами для будущего «Евангелия от Краткого Курса».

Беда была в том, что по своей природе ленинизм-сталинизм оказался типичным «антихристом». Он был внутренне деструктивен. Он работал на биологическое самоуничтожение. При первой возможности, после смерти Сталина, его соратники изъяли из сталинизма казни и концлагеря, и тут же выяснилось, что это обессмыслило «боль-

шой стиль», лишило его всякой действенности, всякой стилистической привлекательности. Мистика развеялась. «Бог» умер. Исправленная «троица» «Ленин – Партия – Коммунизм» уже не воспринималась как воистину вечно живая. Все последующие (1954–1985) годы были годами нарастания внутреннего напряжения в системе, утратившей сакральное содержание, годами, когда «идеология» стала мертвым каркасом, не только не синхронизирующим общество, но усиливающим тенденции его скорого развала.

Потому что грандиозный рывок 1917–1953 годов стал «Великим Октябрьским Социалистическим фальстартом». Он вырвал Россию из «сосредоточения» до срока, он дал выход накопленной энергии мощного цивилизационного прорыва, но направил ее по негодному, чужому руслу. Потому что большевизм был не чем иным, как доведенным до предела, до абсурда выражением западного духа, западного стиля, западной истории. Порождением западных маргиналов, наиболее убогих и примитивных выразителей тех принципов и того стиля, которые обрекали «русский прорыв» на затухание и гибель. Потому что невозможно было надолго втиснуть новую, иную, не-западную душу русской культуры в убогий, жесткий и неуклюжий западно-марксистский каркас.

Период 1991–2001 годов стал периодом нового выплеска социальной энергии. Она сохранилась (именно эта энергия, ярко выявившаяся в ходе самоорганизовавшейся общественной активности 1989–1991 годов, развалила Союз), однако в результате сталинского террора и брежневского «либера-

лизма» в обществе оказался наиболее ослабленным, наиболее «опущенным» именно элитный слой – управленцы, идеологи, гуманитарии, творческая интеллигенция. Жертвы величия и эффективности большого стиля, они оказались слабаками, непригодными для того, чтобы уловить новые ритмы, понять новые смыслы, придать форму новой революции. Единственный гигант – Ельцин – «отвечал» исключительно за энергетическую составляющую революции, за развал старого каркаса и высвобождение социальной активности. С чем он справился и что он интуитивно защищал до самого конца своего правления. Однако за политико-идеологическое оформление революции взялись профнепригодные люди, политические пигмеи.

...большевизм был не чем иным, как доведенным до предела, до абсурда выражением западного духа, западного стиля, западной истории

В результате единственным позитивным достижением социально-экономического развития последних десяти лет стал беспредел. Именно беспредел на фоне политики приватизации, создавшей базу для внутривидовой борьбы и естественного отбора, обеспечил условия для уникального селекционного эксперимента по скорейшему восстановлению энергичной, агрессивной элиты. Такая элита начала воссоздаваться в меньшей степени в крупном бизнесе (там условия были более «культурными», зависящими от воли государства), в большей степени – в среднем и крупно-среднем (там,

где приходилось бороться за физическое выживание). А значит, возникли люди, способные понять новый стиль, почувствовать его и оформить Россию, дав ей возможность наконец «рвануть» всей силой своей нерастраченной социальной энергии по своему собственному пути.

Закат и восход

Собственный путь – это не привычная «западофобская» формула, отрицающая для России западные ценности. Речь идет о куда более сложных отношениях между Россией и Западом как проектами.

Вокруг «европейского выбора» для России на протяжении двух последних веков идет жесточайшее интеллектуальное противостояние, которое в последние годы стало особенно непримиримым и с обеих сторон насыщенным враждебностью. Одна сторона с всевозрастающим раздражением требует от России стать наконец цивилизованной (западной) страной. Другая сторона провозглашает Запад жестоким и подлым врагом всего русского.

Крайние выразители взглядов «сторон» все более необратимо дуреют. «Русопяты» заходятся от зоологической ненависти ко всему «западному» (сегодня – «либеральному») в истерике, в центре которой антисемитизм, доведенный до предельной степени агрессивности и дикарства. На прилавки выбрасываются криминальные книжки, скинхедовские настроения выплескиваются в Интернет, достигают отдаленных районов страны, становятся идеологией религиозных кружков; жи-

вые, остро переживаемые чувства ненависти и мести к вымышленным персонажам вполне реально мотивируют к погромам отмороженную молодежь (и вовсе не только из числа социальных аутсайдеров). «Русофобы» нагнетают столь же истерическую ненависть к России, и эта ненависть – возможно, вопреки либерально-интеллигентским установкам творцов «оранжевого настроения» – приобретает отчетливо расистские черты. В результате возникает мощная морально-психологическая база антирусского неонацизма, насыщающая реальной живой силой бытовой расистской ненависти все «цивилизаторские» проекты «глобальных демократических революционеров».

Собственный путь – это не привычная «западофобская» формула, отрицающая для России западные ценности

Что говорить о дураках, радикалах и истериках: столь же убедительна и эволюция взглядов «прогрессивной западной общественности», которая с неким облегчением вернулась к традиционному снисходительно-презрительному тону в отношениях с Россией после нескольких лет искусственного и не вполне искреннего доброжелательства в отношении России ельцинской. К крайним, неприязненным, насыщенным живой энергией отторжения интонациям тяготеют все сколько-нибудь пассионарные носители русских националистических и западных демо-миссионерских настроений.

Речь идет о нарастании взаимного неприятия на иррациональной, глубинной психологической основе, которое приобретает особенно напряженный и загнанный вглубь характер из-за того, что его природа остается неосмысленной: обе стороны считают друг друга не «другим», а «недо-собой», продолжая навязывать друг другу собственные ценности и приоритеты.

Обе стороны продолжают спорить о «европейских ценностях» и о «выборе». Медведев, Путин и их идеологи говорят о «европейских ценностях» как о несомненных ценностях для «русского проекта», умеренные европейские и американские политологи убеждают Запад в том, что на самом деле подход к русским должен быть более терпимым, потому что их «европейский выбор» не может подвергаться сомнению. «Национал-патриоты» выступают против «ватиканских шекелей» с яростью отрицания «европейских ценностей», происходящего изнутри этих ценностей, из замены плюса на минус при сохранении содержания. Все говорят о европейских ценностях – о свободе, демократии, гуманизме, в концентрированном варианте – о «стремлении к материальному благополучию» и «справедливости», навязывая человечеству модель линейного исторического развития и исходя из гипотезы о том, что «свобода», «демо-

...ни Россия, ни Запад не могут навязать друг другу свою культурную матрицу, отформатировать друг друга по своему подобию без взаиморазрушения

кратия», «достаток» и «справедливость» одинаковы для Запада, России, Китая, Индии и прочих. Остается непонятым, что, используя одни и те же слова, разные культуры придают им совершенно свои, особенные смыслы и что живущие бок о бок цивилизации могут видеть мир не наоборот, а просто по-другому. Птица не отрицает устрицу – просто с крыльями нечего делать в раковине, а с раковиной не надо пытаться летать.

«Европейский выбор» для России невозможен так же, как нельзя скрестить птицу и моллюска – это существа биологически родственные, из одного белка, но генетически несовместимые. Россия и Запад – не враги. Они соседи. В одних ситуациях – союзники. В других – конкуренты. Но ни Россия, ни Запад не могут навязать друг другу свою культурную матрицу, отформатировать друг друга по своему подобию без взаиморазрушения.

У этой несовместимости есть важная особенность, парадоксально усугубляющая несовпадение, – своего рода генетическая близость. Они близки, как родственники, похожие друг на друга с точностью до «сдвижек». Их центральные, базовые ценности устроены по принципу «дополнительности». Они похожи, но не равны друг другу, как не равны друг другу западное «пространство» и русский «простор».

Западная «ценностная триада» (вовсе не «свобода – равенство – братство», это был просто такой пиаровский слоган) достаточно точно провозглашена гайдаровской партией «Выбор России» в 1993 году в формуле «свобода – собственность – законность».

Эти ценности являются, несомненно, ценностями и для русской культуры, но ценностями второго ряда, производными, инструментальными, которые могут и должны применяться для обеспечения действительно базовых ценностей. Их можно было бы выразить другой триадой, например такой: «достоинство – творчество – солидарность». Символические слова могут быть подставлены другие (на место «достоинства» – «правда», на место «творчества» – «труд», на место «солидарности» – «братство» и т. д.). Но главное – в другом.

«Свобода» – и это достаточно давно осознанный факт – ценна для русского, но скорее в значении «воля», как «свобода от» принуждения и унижения, как инструмент обеспечения достоинства. «Собственность» – тоже ценность, но тоже инструментальная, становящаяся подспорьем для «труда» и «творчества». «Законность» если и не пародируется прямо («закон что дышло»), то вторична по отношению к «справедливости», закон – всего лишь инструмент для обеспечения «правды». Наиболее ярко несовпадение в русском и западном восприятии «закона» выражено в именах основополагающего англосаксонского принципа Rule of Law («Правление Права») и первого свода законов «Русская Правда».

Близость и одновременное несовпадение и непопадание становятся причиной взаимоневосприятия

Близость и одновременное несовпадение и непопадание становятся причиной взаимоневоспри-

ятия. Причем это невосприятие накладывается на иллюзию понятности, что отличает ситуацию, например, от невосприятия европейца и японца.

В случае с японцем (индусом, китайцем и т. д.) имеет место глубокое непонимание, несовпадение базовых ценностей и приоритетов. С одной стороны, свобода – собственность – законность, с другой – «не терять лицо», верность корпорации и путь к нирване. Все чужое, непонятное. Японец воспринимает европейца как «не-японца» (в худшем случае – варвара, гайджина, не-человека, чужого), а европеец японца – как «не-европейца» (в худшем случае – туземца, обезьяну, чужого). Можно бояться, можно ненавидеть, можно уважать.

Между русским и европейцем другая дистанция. Ценности, казалось бы, знакомы и понятны, являются ценностями как для одного, так и для другого. Непонятны приоритеты. И в результате «инструментальное» отношение русского к свободе, собственности и законности – равно и столь же инструментальное отношение западника к достоинству, творчеству и солидарности воспринимаются особенно остро, как что-то вроде святотатства со стороны близкого, своего, владеющего тем же понятийным аппаратом, а значит, «обязанного понимать». В этот момент и возникает опасный «обман зрения», связанный с тем, что внутри одной культуры способность путать базовые ценности и инструменты для их обретения – это свойство недоразвитого, недалекого индивидуума, не способного понять разницу между главным и второстепенным. Поэтому русский на бытовом, эмоционально-психологическом уровне воспринимает европейца как

недорусского (именно на обсасывании этого восприятия со всех сторон построены все шутки Задорнова из цикла «Американцы – тупые!»). Европеец русского – как недоевропейца (именно на этом базируется тот особенно оскорбительный для русских «русофобский расизм», с которым так неприятно бывает сталкиваться в Европе, Америке и в международных организациях).

Расхождения между «русским» и «западным» очень глубоки, но слабо различимы. Обе культуры пользуются якобы одним и тем же понятийным аппаратом, но каждый вкладывает в базовые понятия свое, потому и возникающие культурно-ценностные системы столь неожиданно не совпадают.

Как уже было сказано, разительно отличаются представления о правосудии: абсолютный для Запада приоритет *закона* и *права* (пусть мир рушится, но торжествует закон) не совпадает с русским приоритетом *правды*: в первом случае главным объектом защиты становится собственность и свобода человека, во втором – его достоинство и воля.

Западная демократия естественным образом тяготеет к разделению властей и к принципу «общественного договора», когда выборы сводятся к своего рода тотализатору, к условному акту (победа достигается минимальным, иногда условным большинством; ее легитимность обеспечивается согласием «проигравших» на признание формальности и условности цифровых подсчетов). Русская демократия имеет тенденцию к тотальной смене парадигм, к замене одного «подавляющего большинства» другим, поскольку общественное согласие может не унижать достоинства гражданина только в

том случае, если он согласен с большинством (поэтому смена режима возможна, но только вместе со сменой господствующего общественного мнения, что так ярко проявилось и в 1917, и в 1991, и в 2000 году). А структура русской власти, стремясь к сохранению преемственности, тяготеет к разделению власти и управления, к созданию «двух вертикалей» (царь и бояре; ЦК и Совмин; администрация президента и правительство), одна из которых (управление) реализует властные проекты, а другая (власть) стремится обеспечить сонаправленность этих проектов намерениям «правящего большинства».

Расхождения между «русским» и «западным» очень глубоки, но слабо различимы

Очень похожи, но структурно различны системы ценностей и в других сферах жизни. Западный «рабочий класс» – это эффективные собственники, для которых наемный труд является одной из форм бизнеса. Лидеры русского купечества (а в какой-то мере и некоторые наиболее харизматичные «новые русские» современности, вплоть до активных врагов «режима») – это *деятели*, для которых капитал является прежде всего внешним условием, позволяющим жить и *действовать* по своему усмотрению, по своей *воле*, никому и ничему не подчиняясь. Именно это разное отношение к деньгам создает на Западе известный анекдотичный образ «русского варвара», «мистера Челски», тратящего соб-

ственность на удовлетворение непонятных прихотей, а в России столь же анекдотичный образ западного скопидома-эгоцентриста.

Совершенно по-разному устроены человеческие сообщества, возникающие вокруг производства, бизнеса, политики и т. д. Западный человек тяготеет к корпорации или к свите, легко и уверенно чувствуя себя в разных иерархических системах; русский хочет работать в команде, где разница в позициях и в уровнях ответственности не имеет никакого отношения к ощущению собственной значимости, которая (в отличие от денег и прав) должна делиться на всех примерно поровну. В конце концов, совершенно не случайно даже в соцстранах Запада бытовым обращением оставались «пан» и «герр» (ничего неуютного в «господине», коль скоро так обращаются друг к другу все, нет), в то время как в России до сих пор не избавились от такого естественного бытового «товарищ». Очень важно заметить, что на Западе «товарищ» тоже прижился, но только в одном контексте: в военной среде, в офицерском корпусе, а также в военизированных по форме и духу политических структурах. Отсюда взаимное неприятие: одни видят общество, похожее на одну большую армию, других тошнит от необходимости признавать окружающих «господами».

...русский хочет работать в команде, где разница в позициях не имеет никакого отношения к ощущению собственной значимости

Эти «маленькие различия», куда менее заметные и более парадоксальные, чем между метрической и англосаксонской системами гамбургеров в Pulp Fiction, могли бы завести отношения между двумя соседскими культурами в абсолютный тупик, довести их отношения до коммунальной склоки глобального термоядерного масштаба, но есть одно обстоятельство, которое позволяет сделать иной прогноз. И это обстоятельство – молодость русского проекта.

Русская цивилизация моложе западной примерно на пять-шесть веков. Русская цивилизация достигла подросткового возраста в пиковый момент европейской истории – к XIX веку, и ее формирование, искаженное искусственно навязанной петровской матрицей, пришлось на те времена, когда технический, индустриальный и информационный тренды уже были подарены Западом всему человечеству. Поэтому техника для России – это не западная блажь, как предполагал Шпенглер, не чуждая непонятность, от которой русские избавятся, окрепнув и став на собственные ноги, а элемент ландшафта, неотъемлемая черта реальности. Равно как и информация, потому что первой и главной формой искусства, обозначившей всемирный старт русского проекта, стала литература (которая была в России «больше, чем литература», чем поэзия, чем политика и т. д.).

Россия едва не стала фатальной жертвой «петровского псевдоморфоза»: маргинальный проект западных радикалов, коммунизм, срезонировал в русской душе на таких ценностях и ожиданиях, которых и не подразумевали авторы идеологии (неда-

ром они так бурно шарахнулись от первого и самого пассионарного своего русского союзника – Бакунина), и в конечном счете едва не разрушил Россию как проект окончательно. Но жертвой «фальстарта России» едва не стал и Запад: как в свое время варвары, разбуженные и взбудораженные громом и блеском Рима, хлынули по направлению к Вечному городу и едва не погубили его за несколько столетий до срока, так и «разбуженная» до срока Россия едва не взорвала изнутри цивилизацию Запада, спровоцировав в его недрах развитие онкологических процессов (в том числе таких, как фашизм, сгенерированный в недрах западного общества для защиты от досрочного нашествия русских варваров).

Фальстарт отбросил Россию назад, но не намного. А между тем признаки одряхления Запада становятся все более наглядными.

Западная цивилизация, трансформировавшаяся в «цивилизацию юзеров», на глазах утрачивает главное конкурентное преимущество – способность обеспечивать необходимый уровень сложности тех технологических процессов, которые пронизывают повседневную жизнь людей. Все меньше людей в информационном обществе способны без помощи специалистов пользоваться инструментами повседневной надобности – от бытовой техники до компьютерных программ. Все менее способной к воспроизводству активных творцов (без которых невозможно воспроизводство прогресса) становится система образования.

Ритуализация, к которой сводится все больше практик западного человека, выхолащивает его культуру, этику и политику. «Политические юзеры»

вырабатывают набор инструкций, которым в основном подчиняются (правила политкорректности), и оказываются неспособными противостоять вызовам действительности (например, всемирной агрессии исламских фундаменталистов).

Ленин ошибочно назвал «империализм» – западное индустриальное общество, возникшее на рубеже XIX–XX веков, – «высшей и последней стадией капитализма». Этой стадии предстояло пройти через мировое противостояние с другой стадией развития «капитализма» – коммунизмом, чтобы затем на руинах ялтинской системы вырос уродливым грибом *глобальный демократический постимпериализм начала XXI века.* Отличие этого постимпериализма от коммунизма в том, что коммунизм был порождением западных социально-экономических маргиналов, случайно подхваченным и многократно усиленным русской энергией. А «троцкистско-вулфовицкий» проект – это в полной мере мейнстрим, порождение современного состояния западной экономики, западной морали, западной истории. Порождение в полной мере «закатное» – закоснелое, агрессивное, не разбирающее дороги, не способное быстро и эффективно менять стратегию и тактику с учетом изменения обстоятельств.

Фальстарт отбросил Россию назад, но не намного. А между тем признаки одряхления Запада становятся все более наглядными

Вопрос лишь в том, с какой скоростью Запад закатится, кому и какой ценой проиграет.

Русский формат

Вариантов несколько, и выбор одного из них в самой существенной степени зависит от России, от судьбы русского проекта.

Сегодня Россия уже не так ослаблена, как несколько лет назад, но все еще не может оказать прямого силового противодействия попыткам остановить ее развитие (потому что возможность нажать на ядерную кнопку – это «оружие последней надежды», не применимое в реальности без самоубийственных последствий). В то же время радикальный «исламский» проект – проект атавистический, обреченный, но в своей обреченности агрессивный и разрушительный – способен «подвести черту» и под своей историей, и под историей Запада, но сделать это таким образом, что за чертой не будет места ни для России, ни для homo sapiens как биологического вида. Такие же последствия вызовет и крах русского проекта, который может стать результатом неправильного выбора России, неправильных действий ее народа и ее элиты.

В то же время возрождение русского проекта, обозначенного и пущенного по негодному пути в середине XX века, – это процесс всемирного значения. События XX века показали, что русская культурно-ценностная матрица, даже втиснутая в искусственные рамки западного марксизма, оказалась необычайно привлекательной. Именно она была воспринята на огромных пространствах планеты – от Латинской Америки (где рождались дети по имени Владимир, Ильич и Ленин) до Африки и Китая. Именно «русская матрица» – со всеми коммунисти-

ческими уродствами и напластованиями – оказалась эффективно воспринята и переработана китайским суперэтносом, сильная и древняя культура которого к началу XX века выдохлась и стала архаическим памятником самой себе и совсем бы сошла со сцены, если бы не огромность народа (который удержался от распада и восстановился как единое целое только после 1949 года).

Речь не идет о победе России над Западом. Речь идет о новом формате, который Россия может предложить человечеству, о новом качестве восприятия и преобразования действительности, способном преодолеть трагические разломы на теле человечества, порожденные Западом, его эффективной, энергичной, экспансионистской культурой, которая уже не справляется с задачей смягчения глобальных противоречий и формирования более однородного и солидарного общества. А значит, созидания пространства для жизни, где информационная связность и научный прогресс не сталкивались бы в смертельной схватке с кризисом неравномерности распределения богатств.

Речь не идет о победе России над Западом. Речь идет о новом формате, который Россия может предложить человечеству

Только «русский проект», для которого богатство является не целью, а ресурсом, способен конвертировать грандиозные материально-технические достижения Запада в гуманитарный прорыв. Но для этого прежде надо суметь конвертировать в

русский прорыв хотя бы ресурсы Стабилизационного фонда.

До сих пор Запад, переставший очень многими в России восприниматься как друг и союзник, остается для России и для русского истеблишмента безусловным ценностным ориентиром. Не из зловредной ангажированности Западом, не из «предательства», а всецело под обаянием чужой ценностной матрицы русские политики навязывают России гибельный финансово-экономический догматизм, аннулируя тем самым фантастический дар судьбы, предоставленный природой и мировой экономической конъюнктурой для «русского прорыва» во всемирном масштабе.

...латентный «русский проект» зарыт глубоко в недра клановой, эгоистичной и западоцентричной политики русского политического класса

Важно отметить, что и более «патриотический» проект – проект «энергетического лидерства» России – тоже западный по сути и духу: он претендует на занятие Россией своего, очень важного места в мировой системе, построенной по чужим правилам. В то время как речь должна идти об обоснованных претензиях на то, чтобы диктовать свои.

Но сможет ли Россия отформатировать мир по-своему?

Сегодня латентный «русский проект» зарыт глубоко в недра клановой, эгоистичной и западоцентричной политики русского политического класса.

Путин обеспечил России шанс на возвращение к ее цивилизационной миссии. Путинская «стабильность» стала способом поместить страну и цивилизацию «на сохранение», чтобы не допустить осложнений и преждевременных родов. Сегодня время стабильности – время «сохранения», время сосредоточения – заканчивается. Пора рожать.

Политический класс страны, в какой бы партии или в иной форме он ни структурировался, должен стать партией национального прогресса.

Профессионалы имеют право мыслить в привычных категориях, обдумывать предельно конкретные организационные меры, перенаправление финансовых потоков, аккумулирование бюджетных ресурсов, привлечение крупного и иного бизнеса под программы и проекты. Но при этом необходима заостренная, внятная артикуляция смыслов, необходим радикальный переворот в массовом сознании: первичной должна стать оценка объема работ, вторичным – расчет необходимых затрат, и на последнем этапе должны быть определены способы привлечения ресурса в том объеме, в котором нужно для полного решения поставленных задач.

Целью национально-прогрессивной политики должны стать немедленное и эффективное обретение смысла, революционная замена политического словаря, обозначение не национальных бизнес-проектов (эти проекты – хорошая предстартовая «затравка»), а понятных и общезначимых национальных сверхзадач.

Отказ от самого западного принципа экономического проектирования, решительный уход от

«реформаторства» превращают задачу «экономического роста» в задачу национальной мобилизации экономики. Мобилизованная экономика отличается от страшилки либералов – экономики «мобилизационной»: мобилизационная экономика – это экономика ради мобилизации, мобилизованная – призванная на службу России.

Столь претенциозная постановка вопроса вполне оправданна и своевременна. Россия беременна новой идеологией, новым стилем жизни и творчества.

Позиция силы сегодняшней России сформировалась объективно

Особенности нового стиля уже выявляются. Если сравнивать его с западным стилем, то вспоминается XIX век: русский стиль сегодня – это стиль мирового фронтира. В нем сквозят сила, решимость, забота и экспансия.

Предотвратить или отменить процесс нарастания степени энергетичности и социальной агрессивности российского общества нельзя. Смягчить его нельзя тем более, тогда неминуемо выиграют вурдалаки (как большевики у Деникина и Колчака). Внедрить правильные мысли через просветительские механизмы, через пиар либеральных ценностей, через поддержку правозащитников – невозможно. Привлечь на помощь Запад – бессмысленно: если возрождение России пойдет по сталинскому варианту, Запад дай бог чтобы смог помочь сам себе, а если пойдет по варианту русско-

го прорыва, то Запад будет из последних сил сопротивляться такому форматированию, пусть даже ценой собственной и всего человечества жизни.

Позиция силы

Нервозная, растерянная, раздраженная реакция Запада – небывалая за пятьдесят последних лет констатация мощного, ставшего необратимым внешнеполитического укрепления позиций России.

Впервые за эти годы руководители страны выступили с позиции силы (именно силы, а не ярости или претензии на силу). И это та позиция, которую Россия сегодня занимает.

Позиция силы сегодняшней России сформировалась объективно. Она в первую очередь порождена геополитическим трендом – постоянным неостановимым ослаблением американоцентричного Запада, ставшего жертвой объективного цивилизационно-культурного кризиса и неудачного стечения обстоятельств, поставившего во главе «центра силы» западной цивилизации люмпенизированную псевдоимперскую элиту.

Запад на глазах погружается в хаос неуправляемой, лишенной обратной связи, а потому не поддающейся корректировке социально-политической раскачки, системно воспроизводящей во всемирном масштабе кризис деградирующего брежневского режима на рубеже 1970–1980-х годов.

Хождение «мирового империализма» по оттоптанным коммунистами граблям производило бы комическое впечатление, если бы речь не шла при

этом о трагическом свидетельстве первичности психологического в развитии человечества над социальным, экономическим, политическим и т. д. Фантастически сильный, экономически несокрушимый конгломерат самых могущественных в истории человечества государств, простирающийся от Америки через Европу до Японии, вязнет в Ираке и Афганистане, терпит крах в Сомали и оказывается перед перспективой втягивания в совершенно гибельные авантюры в Иране, Сирии и т. д. И очень напоминает тот самый брежневский Советский Союз за десять лет до распада.

На этом фоне стала все более заметной несокрушимость позиций России, обреченной на победу в условиях, казалось бы, бессмысленных и бесперспективных оборонительных боев. Наиболее яркий пример – «оранжевая» Украина.

То, что в 2004 году путинский режим потерпел сокрушительное поражение от украинского народа (вариант – американских демократизаторов; вариант – Белковского; далее везде), стало общим местом в разглагольствованиях заштатных политологов и записных радиолибералов. Куда интереснее реальная картина.

До декабря 2004 года Россия субсидировала неэффективный, недобросовестный и недружественный режим Кучмы, который платил ей за это пророссийской риторикой, одновременно поощряя развитие радикально-антироссийских настроений в украинском обществе и ориентируясь в наиболее существенных вопросах на США. Насильственная украинизация русских регионов, передача внешней политики под контроль креатур США, отправ-

ка воинского контингента в Ирак и многое другое – все это решения Кучмы, а не Ющенко.

Что сделала в 2004 году на Украине Россия, причем именно как Россия, а не как страна происхождения нескольких советников и консультантов, работавших на штаб Януковича? Она совершила революцию гласности. Она предала огласке наличие своих интересов на Украине, она публично заявила о своей готовности эти интересы как минимум декларировать, она открыто признала, что эти интересы не совпадают с интересами США.

...Россия, стоит ей «опубличить» свои интересы, воспринимается как реальная альтернатива «демократизаторам»

Что же получилось в результате? В результате «недружественный режим» оранжевых революционеров вынужден считаться с открыто заявленными интересами России. В результате через два года после «революции» исполнительная власть на какое-то время опять переходит в руки Януковича, недолгая «оранжевая коалиция» разваливается, и при всем при том России не приходится все это субсидировать из собственного бюджета. Более того, в идеолого-политическом, шире – в психологическом плане «глобальные демократические революционеры» на Украине дискредитировали себя навсегда.

Аналогичные тренды наблюдаются по всему фронту наступления «глобальных демократов». От Сербии через Грузию и Киргизию до Ирака – везде

демонстрируется неспособность инициаторов «демократизации» помочь «своим» стать полноценной властью, везде их вмешательство все более широко осознается как имеющее катастрофические последствия. Везде Россия, стоит ей «опубличить» свои интересы, воспринимается как реальная альтернатива «демократизаторам», тем более несокрушимая, что представляет собой системную, хорошо вооруженную силу, пусть и в десять раз менее мощную, чем США, но тем не менее в тысячи раз более мощную, чем те силы в Ираке, Афганистане, да и на Украине и в Киргизии, с которыми американцы оказались справиться не в состоянии.

Что такое «позиция силы» в психологической войне? Способность уничтожить врага? Нет. Это способность вести себя по своему усмотрению в ситуации, когда положение противника постоянно ухудшается и он при этом не способен нанести тебе сопоставимый вред. Именно в такой позиции оказалась Россия, как только *предала гласности свою независимость от Запада* в ситуации нарастающего глобального психологического кризиса европейско-американского мира.

Что может в такой ситуации Россию погубить? Только одно – срыв в истерику.

Утрата главного стратегического преимущества России, которая, в отличие от Запада, не является сейчас морально-политическим агрессором. Сегодня агрессия американоцентричного Запада тотально захлебывается и в перспективе обречена. И никаких способов распространить свою агрессию на Россию у него нет и не будет, если только Россия, под действием конъюнктурщиков и истериков, не сойдет с «позиции силы» и не подставит-

ся под удар со стороны теряющего инициативу и уверенность в себе Запада, которому больше всего хотелось бы сегодня увидеть в «позиции силы» русского мира всего лишь «рычащую вошь».

Единственное, что можно и нужно сегодня сделать – это ввязаться в осмысленную и отчаянную борьбу за русский прорыв, за идеологический переворот. Это огромная, массовая и абсолютно творческая работа.

Смыслы сегодня важнее энергетики. Смысловой прорыв – единственное условие стратегического выигрыша России. Речь не идет о «великодержавных притязаниях» в рамках привычного миропорядка. Речь идет о том, чтобы создать и возглавить миропорядок новый.

Россия имеет для этого основания. Новый миропорядок – это устройство глобального информационного мира, основанного на знаниях (поскольку иначе будет потеряна управляемость), межнациональной солидарности (поскольку иной подход – интернациональной системы централизованного управления – обречет мир на смертельную попытку выстраивания единой глобальной вертикали) и экспансии в отношении природы (поскольку только такая экспансия обеспечит необходимое расширение жизненного пространства и необходимые ресурсы для жизни и роста человечества).

Человечество, которое сможет строить такой миропорядок, нуждается в том, чтобы в основе его культуры лежали творческая энергия, взаимное уважение и солидарность. А значит, оно должно быть человечеством, отформатированным по-русски.

Дмитрий Юрьев

КРИЗИС ЗАПАДА –
ВОСХОД РОССИИ

Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*
Художественный редактор *С. Захаров*
Технический редактор *А. Монахов*
Корректор *О. Кандидатова*
Верстка *П.Ольховский*
Иллюстрация на обложке *дизайн-студия GARUSS*

Подписано в печать 12.11.2008. Формат 70×100 $^1/_{32}$
Гарнитура NewBaskerville.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,55.
Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.
тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru
www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в «Типографии Момент»